

КТО СТРЕЛЯЛ В "БИРЮЗЕ"?

ПОВЕСТЬ

1

Говорят, понедельник - день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но сегодня утро выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, удивительно душистый от расцветающей сирени...

Я живу неподалёку от райотдела, в самом центре города, в новом девятиэтажном доме. Но там сейчас духота. А здесь, на улице...

И до чего же хорошо на душе, когда вот такое чудесное утро! Можно не спеша пройтись по бульвару, затенённому большими старыми липами, посидеть там в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Передо мной, дробно стуча по асфальту каблучками белых туфелек, идёт светловолосая стройная женщина.

Идёт быстро, даже торопливо, головы не повернет. Наверное, опаздывает на работу. Быть может, вечером, возвращаясь домой, она не станет так спешить. А вечер, конечно, тоже по-своему хорош. Особенно когда падёт тишина, и город расцветится сиянием радужных огней. Но воздух и зелень будут уже не те: цветочный аромат заглушат прогорклые запахи отработанных за день солярки и бензина, а сажа и пыль затуманят наряд затихающих улиц.

Нет, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне сейчас приходит мысль о том, что не настолько уж я заостенел на своей следственной работе, как

полагает моя соседка по квартире Леночка, если вдруг вспоминаю её гибкую фигуру, мягкий овал лица и большие нелепые глаза.

Я сворачиваю с подсохшей дорожки бульвара к зарослям сирени и опускаюсь на сверкающую жёлтым глянцем, недавно выкрашенную скамейку. Лёгкий ветерок чуть колышет верхушки деревьев и кустарника, над головой вовсю чирикают воробьи...

Лена - учительница, ведёт в школе уроки русского языка и литературы. Я люблю слушать её. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе со своей приветливой мамашей - Екатериной Ивановной - она занимает две смежные комнаты. Я - одну, с изолированным входом. Так уж получилось, что однокомнатных квартир райотделу не выделили, и меня просто-напросто «подселили». И ничего хорошего из этого, по-моему, не выйдет.

Елена, судя по всему, не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был с другой, да лишь оставил в сердце боль. И я теперь уже не так наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек. Вот почему в обращении с Еленой, наверное, и впрямь суховат. Только что же вдруг сегодня её образ словно застыл перед глазами?..

Поднимаюсь со скамейки, направляюсь к выходу. Блондинка уже исчезла из виду. А я всё иду и иду не спеша. Время в запасе есть. Да и служба моя такая, что особой торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А сегодня утро такое замечательное! Может, и день весь будет таким же?

Я покидаю бульвар, пересекаю по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и вскоре оказываюсь в вестибюле райотдела. На моих часах без четверти девять. Заглядываю в комнату дежурного, а там кроме его помощника - молодого сержанта Кандаурова, никого больше нет, хотя обычно в это время здесь всегда толкуются ребята из уголовного розыска. Значит ничего существенного за воскресенье не произошло.

Подхожу к столу Кандаурова, громко здороваюсь и спрашиваю:

- Как дела? Где дежурный?

Сержант поднимает на меня припухшие от бессонной ночи глаза, устало встаёт.

- Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл, докладывать.

- Твоими бы устами - да мёд пить! - говорю ему, улыбаясь.

Его широкое, простодушное лицо тоже озаряется улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхивает жёлтый огонек «02», а в соседней комнате телетайп начинает выводить свою трескучую дробь.

Кандауров хватает телефонную трубку.

- Полиция!... Что? А кто говорит?..

Подхожу к телетайпу. На его ползущей бесконечной бумажной лепте одна за другой появляются тревожные строчки, переданные из других райотделов и областного управления внутренних дел.

«Начальнику..... районного отдела..... 20 мая с. г. в 16 часов из дома № 3 по улице Крестьянской г. Бровки ушла и до сего дня не вернулась Золотова Наташа. Возраст - 15 лет... Предположительно она может находиться у своей бабушки Золотовой Марии Егоровны, проживающей...».

«21 мая с. г. из пос. Поречье угнана автомашина «ВАЗ-2101»... красного цвета, принадлежащая гр-ну Белову...»

«22 мая с. г. из магазина № 9... совершена кража товаров на сумму... В числе похищенного... Примите меры к розыску похищенных вещей и преступников...»

А телетайп всё стучит и стучит.

Возвращаюсь к Кандаурову.

- Ну что?

Он прикрывает ладонью трубку.

- Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

- Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем.

Вот так... Ничего себе начинается денёк!

Выхожу в коридор, привычно поднимаюсь по крутой лестнице на третий этаж и иду в свой кабинет. В открытую форточку окна с улицы вливается всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвращает меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» пятилепестковые соцветья!.. Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, куплю для неё сирени. Пусть порадуетя!

Я улыбаюсь своим мыслям и принимаюсь за работу: пишу представления, справки, запросы. Жду вечера. И дождался. Телефонного звонка дежурного.

- Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказывается, сработала сигнализация фирменного магазина «Бирюза», торгующего ювелирными изделиями.

Не проходит и минуты, а наш «уазик», включив сирену, уже летит по улице. Сидим и гадаем, что там, в «Бирюзе»?

И самые худшие предположения оправдываются - разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» - спрашиваем в магазине. И вот что выясняется.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся уйти через месяц на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась.

Высокий молодой мужчина, с пистолетом в руке, подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из

инкассаторских сумок с дневной выручкой и переброшил сообщнице, такой же молодой особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того, как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник ошалело отпрянул, не целясь, выстрелил и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

В магазин мы прибыли уже через семь минут после сигнала тревоги и нашли Шляпникову испуганной, но невредимой. Губы её побелели, слова не может вымолвить.

- Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, - пытаюсь успокоить её и коротко передаю в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

- Как не переживать?! - расстроено всплёскивает она руками. - Ведь чуть всю выручку не унесли.

- И много взяли?

- Почти сто пятьдесят тысяч! Сто сорок девять тысяч девятьсот рублей.

Она тянется к графину с водой. Я опережаю, подаю полный стакан.

Пока Шляпникова пьёт, вместе с экспертом Губиным осматриваю и фотографирую место происшествия. Собственно, осматривать и нечего. Её кабинет, где мы ведём разговор, находится напротив служебного входа. Налётчику действительно потребовались бы секунды, чтобы осуществить задуманное.

В воздухе ещё пахнет пороховой гарью. В помещении всего одно окно, забранное решёткой, и то без форточки. Нет и какой-либо вентиляции. Душно. Зато над столом, за которым сидит моя собеседница, ярко горит красивая хрустальная люстра. В кабинете - однотумбовый полированный стол, небольшой зелёный сейф да

несколько стульев. Без особых затруднений нахожу на полу у окна пулю, сплюснутую от удара в стенку, а за косяком двери - гильзу. Следов обуви - масса, но все затёртые, и разобраться в них практически невозможно. Лишь в коридорчике, у порога кабинета, Губину удаётся зафиксировать слабые отпечатки крохотной подошвы и каблучка.

Присаживаюсь к столу Шляпниковой и спрашиваю:

- Так вы говорите, преступников было двое?

- Может, и больше, - не сразу отзывается она. - Ко мне-то ворвались двое - мужчина и женщина.

- Как они выглядели? - пытаюсь ещё раз уточнить их внешность.

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не может описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина да такая же молодая и смуглолицая его напарница - вот и всё, что ей запомнилось. И она расстроено оправдывается:

- Испугалась я очень. Какие уж тут подробности, особые приметы. Спроси, в чём одеты - и то, наверное, не скажу.

- И всё же?

- Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье, как будто бы, - смущённо пытается вспомнить она, комкая в дрожащей руке и без того уже мятый цветастый платочек, которым то и дело оттирает раскрасневшееся потное лицо.

- Кабы не струсил так!..

- Ну-ну, - возражаю я. - Не казните себя напрасно. В такой ситуации, что случилась с вами, кто не испугается. А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она отмахивается:

- Да какой там решительно! Мне бы после звонка в «глазок» посмотреть, а не дверь открывать. Растяпа я, да и только.

- Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

- Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

- Погодите, погодите, - останавливаю её. - Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

- Я уже говорила - без пяти семь.

- А инкассаторы приезжают?

- В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними. Поохали, посочувствовали директорше и уехали.

Я задумываюсь. Интересная вырисовывается картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно по секундочкам всё выверили.

- Значит, вы считаете, что у преступников была машина?

- Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, - мысленно соглашаюсь я. - Без транспорта им в таком деле не обойтись. Нужно осмотреть двор - искать следы.

Между прочим, выстрел могли слышать на улице.

Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь бы только найти очевидцев!»

Я знаю, что и другие члены следственно-оперативной группы зря времени не теряют. Зевая на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей может выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели. И, поблагодарив Шляпникову, выхожу в коридор. Как и ожидал, мне уже доставили очевидцев: узкоплечего веснушчатого паренька в заляпанных джинсах и пёстрой рубашке с

отложным воротничком и тощую, как жердь, старомодно одетую старушку. Они-то кое-что и рассказывают о машине. Оба утверждают, что это было желтоватое такси, выскочившее со двора почти вслед за выстрелами. Номера машины старушка не заметила, зато парню запали в память цифры: «37-38».

Незамедлительно передаю полученные данные дежурному по райотделу. Если в машине преступники и они попытаются выехать из города, им это теперь навряд ли удастся: дежурный известит о моей информации все постовые и патрульные наряды, инспекторов ГИБДД.

Мы делаем всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, «по горячим следам», работаем до глубокой ночи, но..., тщетно. Налётчики - как в воду канули, и кто они - так и остаётся неизвестным. Мало ли в городе молодых смуглолицых мужчин в тёмных костюмах и брюнеток в синих платьях?..

Домой возвращаюсь за полночь. Пытаюсь неслышно пробраться в свою комнату, но Елена уже - тут как тут. На ходу застёгивает халатик и спешит на кухню.

- Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать её бесполезно, и я молча киваю.

На кухне Лена усаживается рядом со мной за столик, и, пока я чаёвничаю, не отрываясь, молча смотрит на меня своими зеленущими, как виноградины, глазами. Только сегодня они кажутся мне чуть погрустневшими.

- У тебя что-нибудь случилось? - спрашиваю.

- Что у меня может случиться... Пей чай, Демичевский, пей...

Она отводит взгляд и пытается улыбнуться. Господи! Так ведь я хотел принести ей цветы. Надо же, как всё нескладно получилось.

Ночью мне спалось плохо, и потому проснулся раньше обычного. Прохожу на кухню, а Лена уже здесь, сидит у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

- С добрым утром! - говорю, улыбаясь. - Что нос повесила?

- Здравствуй! - приветливо отвечает она. На лице её тоже появляется улыбка. - И всё ты замечаешь, Демичевский!

- Профессия такая! - смеюсь я и подхожу к плите. Осторожно трогаю чайник, а он уже горячий-прегорячий. Кладу в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, заливаю кипятком.

- Сегодня опять поздно вернёшься? - спрашивает Лена.

- Пока не знаю, - говорю я, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Смотрю на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Допиваю кофе, поднимаюсь из-за стола.

- Ну, пока.

Лена рассеянно кивает. О чём это она всё думает?..

В прихожей поправляю перед зеркалом форму, галстук и выхожу на улицу.

Сегодня у меня не столь уж радужное настроение, как накануне. В девять часов предстоит присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее происшествие не выходит из головы. Расследовать его поручено мне, а вот с чего начинать? Есть, конечно, несколько соображений, и, думаю, в уголовном розыске тоже подкинут что-нибудь существенное.

Ребята там толковые. Быть такого не может, чтобы, уцепившись за ниточку, не помогли и весь клубок распутать. А ниточка у нас есть! Хотя бы тот же, с щербинкой, след протектора, зафиксированный во дворе магазина.

Без пяти девять вхожу в кабинет Белова. Все оперативные работники уже в сборе. Опустив седеющую голову, Белов медленно расхаживает из угла в угол. Заметив меня, останавливается и, кивком ответив на приветствие, сухо говорит:

- Что ж, начнём, пожалуй, наше совещание. У кого какие версии по «Бирюзе»? В общих чертах со сложившейся обстановкой я знаком, так что прошу конкретнее.

Присаживаюсь на единственный свободный стул у окна, оглядываю собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

- Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? - снова спрашивает Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым отвечает старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он тремя годами моложе меня, а уже считается одним из опытейших розыскников. В любое дело вкладывает столько энергии и ума, что хватило бы, наверное, на двоих.

- Такси принадлежит второму автопарку, - говорит Наумов, легко поднявшись с дивана. - За машиной закреплены два водителя - Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович, выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые нависшие брови Белова опускаются ещё ниже.

- А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов приглаживает русые волосы и не сразу, но возражает:

- Мало вероятно, Александр Петрович. Человек он пожилой, вырастил двоих детей, имеет внуков... Мало вероятно...

Белов подходит к окну, разглядывает улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливает своими лучами кабинет, всё громче нарастает шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрываются от нас те, кого мы сегодня ищем и кого нам надо найти во что бы то ни стало.

- А что говорят свидетели?

Наумов садится, а с дивана поднимается, как всегда, щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой товарищ и ровесник. В его карих глазах всё ещё отражается глубокая задумчивость. Он достаёт из кармана замшевой куртки небольшой блокнот, заглядывает в него и неторопливо начинает докладывать:

- Свидетелей, паренька и старушку, мы установили следующим образом...

Белов резко поворачивается к нему:

- Я не спрашиваю, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину, - обрывает он Громова. - Что они рассказывают?

Громов растерянно поправляет сверкающий золотыми нитями галстук, обидчиво поджимает тонкие губы.

- Я думал... - пытается оправдаться он, однако Белов снова прерывает:

- Что они рассказывают? - жёстко повторяет он, желая избавиться от его обычного многословия.

- Да практически - мало интересного, - уже быстро отвечает Громов. - Мы их и так и этак расспрашивали...

- Что они говорят? - повышает голос Белов. Обычно спокойный и выдержанный, на этот раз он, чувствуется, еле сдерживается, чтобы не вспылить. - У нас есть фотография Власова? Мы предъявили им её? Когда, в конце концов, вы научитесь докладывать чётко и коротко!

Я спешу на вырчку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

- И фотография есть, и показывали её, - говорю, поднимаясь. - За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: молодой, смуглолицый... Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил его написать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Он согласился и вот-вот должен принести нам свою работу.

Я сажусь, а Белов возвращается к столу, грузно опускается в кресло, задумывается. То, что он повысил сегодня голос, совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на его щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником. Но сегодня время не наш союзник, подхлестывает и Белова.

Он поднимает голову.

- У вас всё? - спрашивает Громова.

- Нет, - торопливо отзывается тот. - Разрешите высказать свои соображения?

- Ну-ну... - смягчается Белов. - Выкладывайте.

- Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, - оживляется Громов, и сеточка мелких морщинок на его широком смуглом лице сразу исчезает.

- Почему вы так думаете?

- Уж очень чисто сработали, вернее - дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал».

- Резонно, - соглашается и Белов. - Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

Да!.. Представляю, каково придётся моим друзьям. Задача эта не из лёгких. Очень даже не из лёгких!

Однако, как я смотрю, Громова она ничуть не смущает. Он деловито переглядывается с Наумовым, приподнимает, чтобы не помять, стрелки своих светлых, хорошо отутюженных брюк, садится и тут же быстро пишет что-то в блокноте.

- Та-ак... - продолжает Белов. - А теперь послушаем товарища Демичевского.

Он устремляет на меня из-под очков пыливый взгляд и после небольшой паузы спрашивает:

- В чем нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять поднимаюсь, ещё раз оглядываю всех и говорю:

- Почему - нет? Взять хотя бы пропавшее такси. Оно как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться... Надо войти с предложением к руководству райотдела подключить к нам в помощь патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивает. Я уверен, эта мысль пришла и к нему.

- Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь, нужно ещё раз опросить работников магазина, жителей прилегающих к нему домов. Может, действительно в последние дни кто-то помозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в «Еженедельнике» пометку.

- Третье... Не мешало бы нам посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направляю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине.

Мы обговариваем с оперативниками ещё ряд вопросов и расходимся. Я с нетерпением жду Бубнова. Он обещал подойти в десять, а на моих уже - двадцать минут одиннадцатого.

Ну вот, кажется, он и пришёл. Слышу негромкий стук в дверь и поспешно откликаюсь:

- Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просовывается голова Бубнова, а затем и сам парень показывается на пороге. Стеснительно улыбаясь, подходит к столу и показывает мне небольшой конверт.

- Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно открывает конверт, бережно достаёт из него листок бумаги, расцвеченный акварелью. Первое впечатление - меня обманывают. Это не может быть рисованным портретом. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждают: портрет всё-таки рисованный.

Но до чего живое лицо!.. Плотно сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого, прямого носа, тревожно прищурены миндалевидные тёмные глаза, нахмурены чёрные брови, невысокий лоб прорезали две глубокие складки... и густые волосы, обрамляющие лицо. Мое долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринимает как недоверие к его работе. Он смущённо бормочет:

- Может, не совсем точно изобразил... Вечер был да и видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении.

В том-то и дело, а он ещё оправдывается! Если ничего не сочинил, то - завидная зоркость у парня. Я дружески обнимаю его.

- Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим, и... словом, спасибо!

Он краснеет, как девушка, вскидывает на меня враз повеселевшие глаза:

- Тогда я пойду? У меня скоро занятия.

Мы прощаемся, довольные друг другом, и он уходит. Мне тоже не сидится в кабинете, хочется немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»? Вот было бы здорово!

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищаются мастерством художника, крутят портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не могут.

- И всё-таки, кого-то он мне напоминает, - мучительно раздумывает Наумов. - Кто это? Кто?..

Ничего, выясним! Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой.

Беру из сейфа специально приготовленные для подобных случаев ещё два портрета других лиц, вызываю служебную машину и еду в «Бирюзу».

Шляпникова, в присутствии понятых, долго вглядывается в портреты, затем указывает на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтверждает: «Он! Очень похож: глаза, брови, волосы, лоб...»

Ну вот и отлично. Как положено, оформляю протокол опознания. Теперь бы нам пропавшее такси отыскать.

Домой опять возвращаюсь поздно. По улицам всё еще снуют машины, и я невольно приглядываюсь к ним - не промелькнёт ли такси

с номером «37-38»? Ох, как нужна мне эта машина! Твёрдо убежден, что от неё потянется ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси проносится немало, но всё не те, не те...

Вот и мой дом. Лифт быстро поднимает меня на шестой этаж... Не успеваю вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахивается - и вижу счастливое, улыбающееся лицо Елены.

- Как хорошо!.. Как хорошо, что ты всё-таки пришел, - порывисто восклицает она и втягивает меня в прихожую.

Недоумевающе замираю у порога.

- А что, собственно, случилось? Почему - «всё-таки»?

Глаза Елены радостно светятся.

- Потом, потом скажу. Давай переодевайся - и ко мне, в мою келью.

И тут вдруг замечаю, что на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик, придающие ей праздничный вид.

- Какое-нибудь семейное торжество? - догадываюсь, наконец.

Она молча кивает.

- И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не остаётся, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Непонятно только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Снимаю запылившуюся форму. Умываюсь. Надеваю белую рубашку, синий галстук. Сдуваю с костюма пылинки. Вглядываюсь в зеркало: хорош? На меня смотрит кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что, вроде бы всё нормально, можно идти.

В комнате Елены чуть светится крохотное бра на стене. На полке горит зелёный огонёк магнитолы, слышится приглушенная мелодия

блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте - вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт.

Елена сидит на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присаживаюсь рядом и спрашиваю:

- А-а... Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ слышу тихий серебристый смех.

- Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно теряюсь.

- Почему же... - И чуть не с мольбой снова спрашиваю:

- Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбрасывает со лба волосы.

- Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни...

Понимаешь, вчера мне исполнилось двадцать пять. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Я обескураженно молчу. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядываю комнату. Здесь я впервые. Всё здесь дышит чистотой и уютом... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Лихорадочно перебираю в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашел! Тут же срываюсь с места:

- Я сейчас... Извини.

И мчусь к себе.

Лена - большая любительница книг, кое-что из них и у меня имеется. На днях приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким

философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг - отлично изданный томик! Подписать его - дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздыхает:

- Ах, Демичевский! Ну зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Спешу развеять её огорчение.

- Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрывает томик и снова счастливо улыбается, неожиданно награждает меня лёгким поцелуем.

- Спасибо тебе за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы садимся на тахту. Всё также приглушенно звучит мелодия блюза, в бокалах искрится шампанское, нескрываемой радостью сияют глаза Елены.

- Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумит от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляет, вызывает на откровенность. Хочется окончательно размагнититься и раскрыться, высказаться о наболевшем.

И вспоминается далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке... Красивая, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Что ты, Катюша! Что ты...».

«Тебе там встретятся другие девчата».

«Я даже не взгляну на них».

«Два года - это так долго!»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого.

Нет! Об этом не стоит говорить никому. Это моё, пусть оно во мне и останется. Я прожил в том городе почти тридцать лет. И никогда бы не покинул его...

- Ну что ты молчишь? - спрашивает Лена.

А я не знаю, что и сказать.

- Тогда потанцуем? - терпеливо предлагает она, видимо, догадываясь о моём состоянии.

И мы медленно плывём в полумраке. Рука Елены легко лежит на моём плече, глаза, не отрываясь, смотрят в мои глаза.

- Ты всё ещё любишь её, - тихо полуспрашивает, полуутверждает она.

И опять не нахожу, что ответить. Врать нельзя и правду сказать сегодня язык не поворачивается.

- Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера - ты! Расскажи о себе.

Елена натянуто смеётся.

- Ох, Демичевский!.. Он, оказывается, ещё и плут.

Она ненадолго умолкает, потом с расстановкой начинает рассказывать.

- Мы ведь тоже не местные. Переехали из Тулы. Папа был лётчиком. Его перевели сюда по службе. Ну и мы за ним... А через неделю, при испытании нового самолета, он погиб. Мама в один день поседела... Мне шёл тогда всего второй годик... А теперь уже - двадцать пять! Закончила школу, институт... Вот, собственно, и всё.

- Извини за нескромность. - говорю. - А почему ты не замужем?

Лена опять смеётся.

- Потому что таких плутов, как ты, не встречала!

Она останавливается.

- Но если серьёзно - были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думали, о своём «я». А мне, Демичевский, не рабыней, а царицей быть хочется!

- Клеопатрой, что ли?

- Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей - царицей.

Понимаешь?

Я бестолково киваю, и мы возвращаемся за столик. Елена спрашивает:

- Хочешь кофе?

- Хочу.

Лена уходит на кухню и вскоре по всей комнате разносится его горьковатый аромат.

- Почему ты вчера так поздно вернулся? - спрашивает она. - Что-нибудь случилось? Говорят, машину угнали. К нам в школу приходили сегодня работники ГИБДД. И участковый по квартирам прошёлся.

Я улыбаюсь. Так-так... Скоро весь город будет знать, что разыскивается такси жёлтого цвета, номер «37-38». Это хорошо. Уж кто-нибудь да расскажет нам о нём.

- Да, - говорю. - Мы ищем пропавшее такси.

И не вдаваясь в подробности, коротко рассказываю о вчерашнем «ЧП».

- Ужас какой, - передёргивает плечами Елена. - Ну у вас и работка!

- У тебя она разве легче?

- Сравнил тоже! Как ни тяжело с моими шумными ребятами, но они - дети. Я вижу, как они взрослеют, становятся умнее и добрее.

- А если не все вырастают такими? Как тот брюнет, что стрелял и магазине. Кто-то должен и с ними разбираться. К тому же, я закончил юридический. Так что, не будем больше об этом. Хорошо?

- Хорошо. - Соглашается Елена. - Расскажи мне что-нибудь веселенькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Я начинаю вспоминать. Но в голову лезут одни лишь криминальные истории. Лена смеется.

- Ладно, не мучься.

И берёт мои руки в свои ладони.

- Какие у тебя красивые, тонкие пальцы, Демичевский.

Я весь напрягаюсь, чувствуя нежность её рук.

- Что ж в них хорошего...

- Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся его душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

- Играю, - возражаю с улыбкой. - На гитаре играю. Да всё никак не могу купить её, а в магазинах она нарасхват.

- У тебя очень красивые пальцы, - задумчиво продолжает Елена. И неожиданно прикивает к ним губами.

У меня перехватывает дыхание. Это уже не тот мимолётный поцелуй, которым она наградила меня всего несколько минут назад... Руки мои сами тянутся к этой волнующей, удивительной девушке. И я почти не слышу страстный, срывающийся шепот Елены:

- Подари мне их, подари!..

Боже мой, как стучит в висках... Я с трудом отрываюсь от её губ и поднимаюсь, чтобы не видеть умоляющих глаз.

- Потанцуем, Лена... Давай потанцуем...

4

Утром Елена готовит для меня кофе.

- Спасибо за вчерашний вечер, - говорит она тихо.

Кусок бутерброда застревает в моём горле. Хорош вечер! При первой возможности, удрал, как мальчишка. А она ещё благодарит!

Лена словно подслушала мои мысли.

- Не переживай так, Демичевский. Я сама вела себя глупо... А пальцы свои ты мне всё-таки срисуй. Срисуй, Демичевский.

- Будет сделано, - шутливо обещаю я, лишь бы что-то ответить. - Потом можешь поместить рисунок в рамку, раз они так тебе понравились.

Пью кофе и никак не могу разобраться в себе: стыжусь, что не ответил на вчерашний порыв Лены, или сожалею об этом?

- Я провожу тебя, - говорит Лена. И я замечаю, что одета она по дорожному.

- Куда-то собираешься ехать? - спрашиваю.

- Да... Ненадолго, - уклончиво отвечает она.

Мы выходим на улицу. Лена провожает меня до бульвара. Идём и молчим. Молча и расходимся, лишь смущённо улыбнувшись друг другу.

Честное слово, на работе легче! Там и самое запутанное дело не кажется таким уж неразрешимым. Даже «ЧП» с магазином.

Расстроенный, я сворачиваю к райотделу. Не успеваю подняться в свой кабинет, как на пороге возникает возбуждённый Наумов.

- Лебедев звонил. Насчёт пропавшей машины. Нашлась, говорит!

Лебедев - это наш лучший участковый. Его слову я верю, как своему. Если утверждает, что такси нашлось, значит, так оно и есть.

- Где? Где эта машина?

- Дачная, 15.

- Начальству докладывал?

- А как же! Дана команда - выезжать. Все уже в сборе.

В нашем «уазике» и впрямь не повернуться: оперативники, эксперт Губин, кинолог с собакой... «Уазик» срывается с места и мчится по улицам за город, в дачный посёлок.

- Как нашли? - спрашиваю Наумова. Он сидит рядом с шофёром и сосредоточенно следит за дорогой. Не оборачиваясь, отвечает:

- К Лебедеву мужичок с утра пришёл, местный плотник Егоров. Так, мол, и так. Слышал, полиция машину ищет. Не она ли за его сараюшкой стоит? Лебедев сразу туда. Действительно, за сарайкой - такси, жёлтого цвета, номерной знак - «37-38». Он и позвонил нам... Интересно, почему преступник оставил машину именно там

Шофёр, хорошо знающий дачный посёлок, без особого труда отыскивает нужную нам улицу. Вдоль обочин тянутся стройные тополя, и кажется, что сквозь их густую сочно-зелёную листву лучи солнца никак не могут прорваться к земле, яркими бликами застревают в пышной кроне.

Узкая дорога с кусками выбитого асфальта вьётся по посёлку и за одним из поворотов неожиданно обрывается у небольшого, в два окна по фасаду, кирпичного дома с палисадником и сараем, за которым стеной стоит густой и тёмный лес.

Из-за сарая показывается коренастая фигура Лебедева. Он одёргивает китель, поправляет сбившуюся набок фуражку, неторопливо подходит к нам и коротко докладывает обстановку. Теперь можно приступать к осмотру.

Жёлтая «Волга» сиротливо стоит в тени за сараем. С улицы её не углядишь. Видимо, поэтому и оставил её здесь преступник. И знакомый, очень знакомый рисунок на земле от протектора «Волги». С той же характерной щербинкой...

Я даю команду, и у нас начинается привычная работа, без спешки и суеты. Каждый делает, что положено. Мы фотографируем, чертим план местности, в поисках следов изучаем почву, внимательно

осматриваем салон такси. Позднее разберёмся во всём, что получим в итоге. Сейчас главное - не упустить малейшей мелочи, которая, - как чаще всего и бывает, может оказаться самой существенной для дела. Решаю спросить Егорова: когда увидел здесь эту машину, не заметил ли, кто оставил её?

Мы сидим за грубо сколоченным столиком в цветущем палисаднике дома. Все мои товарищи по работе остались на улице и продолжают заниматься своими делами. Я слышу настойчивый голос кинолога: «След, Альма, след!». Вижу, как сосредоточенно ходит от дома к дому на противоположной стороне улицы Наумов...

Егорову уже за пятьдесят. Он несколько неуклюж и грузноват. Его чуть набрякшие веки и грушевидный нос с синими прожилками наводят на мысль, что их хозяин частенько прикладывается к рюмке.

Егоров вздыхает, услышав мои вопросы, и низким хрипловатым голосом начинает рассказывать:

- У меня, понимаешь ли, доски в сараюхе оторвались. Ну вот и пошёл я вечером-то. Часов около восьми. Дай, думаю, взгляну: подлатать стенку, или новые доски приспособить. Обошёл сарайку-то, а там, понимаешь ли, - машина. И никого в ней нет. Ну, постоял, постоял... Подождал. Опять никого. А к стенке-то из-за машины и не подойти. Плюнул и ушёл в дом.

- Это когда было - вчера?

- Нет. Как раз накануне. Вчера-то я снова за сарайку глянул. Опять стоит! Весь день простояла. А тут слышу от соседей, что плиция какую-то машину ищет. «Не она ли? - подумал. - Чего ей здесь стоять-то. Непорядок это». Но решил подождать еще чуток - вдруг, понимаешь ли, хозяева объявятся. Ну а сегодня - всё! Пошёл к участковому. Взгляни, мол, не ту ли машину ищете. Который день без дела стоит!.. Вот так-то всё и вышло, мил человек.

В палисаднике всюду цветут вишни, осыпают нас нежными лепестками. На земле от них - белым-бело!...

- А вы с соседями о машине разговаривали? Из них, случайно, никто не видел водителя?

- Да кому до неё дело-то было. И что в ней для нас такого, чтобы приглядываться? Никто ничего не видел.

Егоров встаёт и уходит в дом. Через минуту возвращается. В одной руке - высокий глиняный кувшин, в другой - широкая глиняная кружка.

- Может, выпьешь со мной, капитан? У меня такая медовуха осталась! - добродушно говорит он.

- Нет, Степан Кондратьевич. Спасибо. Да и вам не советую приглядываться. Хозяйка, небось, не рада будет.

Лицо Егорова мрачнеет. Он глухо кашляет, ставит кувшин и кружку на стол, садится и стискивает лохматую голову руками.

- Нет у меня хозяйки... Бобыль я, понимаешь ли. И рад бы, чтоб поругал кто, да некому. Такая тоска, понимаешь ли. Умаялся один-то, спасу нет.

Он поднимает на меня потемневшие глаза.

- А ты - женат ли?

Я отрицательно качаю головой.

Он умолкает, в раздумье почёсывая затылок узловатыми пальцами, а через минуту опять спрашивает:

- Что так? Аль разборчив очень?

Над головой гудят то ли шмели, то ли пчёлы. Одурающе пахнет жасмином... Весна в самом разгаре!

- Эх, капитан, - словно издалека, снова доносится хриплый голос Егорова. - Нельзя нам одним-то. Нельзя. Для чего тогда и жить-то, а? Ты, понимаешь ли, не мудри, если что. Я вот немало почудил, теперь - один маюсь. Неужто у тебя так никого и нет на примете?

И сразу вспоминается Лена, наш вчерашний вечер. Как хорошо он начинался!..

Прощаюсь с Егоровым и иду к сарайке. Там Губин продолжает колдовать над машиной. Обрабатывает химическим составом приборный щиток, рулевое колесо, дверные ручки... Никаких следов!

- Наверное, действовали в перчатках, - говорит он и устало опускается на траву. - Либо стёрли следы. Мастаки, видать!

Я невольно хмурюсь.

- Может, попросить в помощь экспертов УВД?

- Не надо, - возражает Губин. - Сами управимся.

И вдруг резко поднимается.

- Все следы не уничтожишь!.. Это они, «мастаки», думают иначе. А нас не проведёшь!.. Что-нибудь, да осталось. Отгоним «Волгу» в отдел, и будем разбирать машину.

Так и решаем. К тому же, здесь нам больше делать нечего: собака след не взяла - слишком много времени прошло, а Наумов с Лебедевым тоже возвратились из домов ни с чем - никто из жителей не приметил пассажиров такси.

По дороге в отдел выхожу из машины у кафе, чтобы немного перекусить. Быстро разделяюсь с борщом и котлетой, запиваю освежающим березовым соком. Теперь опять можно и за работу.

- Передохнул маленько? - дружески обнимает меня за плечи Наумов, как только вновь появляюсь в отделе.

Я улыбаюсь.

- Что Губин? - спрашиваю.

- Разбирает с «гаишниками» машину. Уже демонтировали рулевое колесо, переключатель скоростей.

- Нашли что-нибудь?

- Пока не знаю.

- Схожу посмотрю.

- Желаю удачи!

Я выхожу во двор и жду там результатов осмотра. Время тянется медленно, порой кажется, что оно остановилось. Наконец, слышу радостный возглас Губина:

- Есть пальчики!

- Где? - тороплюсь к нему.

- На обратной стороне руля. Да и на внутренних поверхностях рукояток ручного тормоза и рычага переключателей скоростей... Я говорил - найду!

Он снова ныряет в салон машины. Глубоко в складке сиденья находим шёлковую перчатку. Кто оставил её здесь? Преступник? Пассажир? Пока эти вопросы повисают в воздухе.

Зафиксированные отпечатки Губин уносит в свою лабораторию. Выясняется, что водителю Власову и его сменщику Водолазкину они не принадлежат. Но и установить по ним личность преступника пока не удаётся: в нашей картотеке идентичных отпечатков нет.

А и небе уже зажглись первые звёзды... Усталые, мы расходимся по домам.

На улицах тишина, лишь редкие парочки беспечно прогуливаются по залитым неоновым светом тротуарам, да время от времени почти бесшумно проносятся полупустые троллейбусы. Мои шаги гулко звучат в застывшем тёплом воздухе...

Как странно: те же дома, те же улицы, а вот утром такого резонанса нет.

Вчера получил письмо от мамы. Пишет, что очень состарилась. А я понимаю: тоскует она. Давно похоронили отца, и с единственным сыном рассталась...

Мама, мама!.. Я тоже наскучался по твоей ласке. И так тоже надоело одиночество, в котором даже сон не приносит успокоения. А сны мне теперь всё чаще снятся беспокойные, не то, что, скажем,

десять или даже пятнадцать лет назад, когда я словно наяву то восторженно парил над землёй, раскинув руки, то лихо отплясывал на вечеринках... Так что скорей бы утро!

5

Утром присоединяюсь к Наумову, занятому изучением дел, приостановленных в связи с розыском лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых.

В горле першит от пыльных страниц многотомных дел. Яркий свет электролампочки вызывает резь в глазах. Мы кашляем, чихаем, протираем воспалившиеся веки, но всё листаем и листаем дела.

И вот, кажется, удача. Моё внимание привлекает дело о разбойном нападении в лесопарке, где на месте происшествия были изъяты гильзы, очень похожие на ту, что мы обнаружили в «Бирюзе».

- Ну-ка, ну-ка... Дай посмотреть, - просит Наумов и забирает у меня дело.

- Так ведь это Соловьёв, твой предшественник, по нему тогда работал! - восклицает он через минуту. - Преступников-то было двое, какой-то «Эдик» и Пикулин. А взяли лишь Пикулина. Его одного и судили: не знает, мол, второго, и всё!

- Оружие изъяли?

- Нет, в том-то и дело. Якобы у другого осталось. Да и потерпевшие, супруги Ладыгины, говорили, что пистолет был у второго преступника.

Я ещё раз листаю дело. С фотографии в профиль и анфас на меня смотрит молодой парень, никак не похожий на того, кто учинил налёт на «Бирюзу»: курносый, белобрысый... Записываю данные о его личности.

- Сколько же ему дали?

- Семь лет.

- Проверь - не сбежал, не освободился ли досрочно.

Наумов кивает.

Читаю показания потерпевших: как выглядел второй преступник? И замирает сердце: темноволосый, смуглолицый. Хорошо разглядеть не успели, но полагают, что при встрече узнали бы. Глаза запомнились: чёрные, опущённые густыми длинными ресницами. Показания дополняет композиционный портрет преступника. Похож! Очень похож на того, кто стрелял в «Бирюзе».

Наумов тоже разглядывает портрет.

- Слушай, а ведь это он - кого мы ищем. Помнишь, вспоминал, где я его видел? И вот, гляди-ка, снова, мерзавец, выплыл. Да ещё по какому делу!

Выписываю домашний телефон и адрес потерпевших. Попробую поговорить с ними, показать портрет, что принес Бубнов.

А время уже за полдень. Дела все изучены, можно и перекусить.

Отправляемся с Наумовым в столовую. Оба одиноки, так что и в ближайшей перспективе домашних обедов нам не предвидится. Но когда на улице делюсь с ним сожалением по этому поводу, он вдруг улыбается и говорит:

- Как знать!.. Я, брат, на днях такую замечательную дивчину встретил!...

- Ну, молодец! - искренне радуюсь за него и даже спотыкаюсь на ровном месте. - Кто же это?

- Дай срок - узнаешь. А то, чего доброго, отобьёшь.

Он щурится от яркого солнца и лукаво смотрит на меня.

Чем он мне всегда нравится, так это своей улыбчивостью и общительностью. К тому же деловой и энергичный.

- А тебе, Владик, тоже не мешало бы жениться.

- Ты так считаешь? - спрашиваю растерянно. С той поры, как я остался без Кати, другие женщины не вызывают во мне никакого интереса. Ну, разве, Лена,... в последнее время...

- Конечно, - всё с той же лукавой улыбкой отвечает Наумов. - Глядишь, и пуговицы на пиджаке не будут болтаться.

Действительно, одна из них уже на ниточке болтается. Старательно прикручиваю её, смотрю на улыбчивое лицо Наумова и думаю о Лене. Сегодня утром она была такой задумчивой... Вот уж кто ничуть не скрывает интереса ко мне.

Солнечные лучи заливают всю улицу. После душной, тесной комнатки архива, здесь, под небесной голубизной, дышится легко и свободно, и кажется, что эта приятная, освежающая голубизна всего-всего обволакивает меня. Всё-таки, как хорошо жить на свете, как хорошо!

Наумов поторапливает, и вскоре уже мы орудуем ложками, усевшись друг перед другом в небольшом светлом кафе, что неподалёку от райотдела. В этот час здесь немногочисленно, на каждом столике в узких вазочках - веточки сирени. Из открытых окон тянет ветерком.

К вечеру нам становится известно, что гильза, изъятая в «Бирюзе», и гильзы, проходившие по уголовному делу Пикулина, идентичны, и что преступник пользовался оружием калибра «7,65». Возможно, в лесопарке и в магазине действовало одно и то же лицо. Кто этот человек? Все первоначальные следственные действия мною проведены, вещественные доказательства собраны, свидетели по делу опрошены... Но пока мы никак не можем выйти на него. Короче, «по горячим следам» преступление нам уже не раскрыть, так что придётся планировать длительную работу. В дверь моего кабинета стучат. Это Ладыгины. Я просил их зайти ко мне, по возможности, - сегодня же. И они с пониманием отнеслись к моей просьбе.

Обоим супругам лет под сорок. Выглядят довольно интеллигентно, высокие, стройные. Несколько взволнованные вызовом... Коротко объясняю им, в чём дело, и приглашаю понятых, предъявляю Ладыгиным дюжину портретных рисунков. В их числе - и работу Бубнова.

Даже не разглядывая, сразу указывают на портрет bruneta:

- Он!

- А не ошибаетесь? Внешность его, конечно, примечательна, но всё же?

Первой отвечает жена Ладыгина. Волнуясь, она объясняет:

- Понимаете, уж очень дерзко он вёл себя. Другой-то, белобрысенький, помалкивал, лишь сумочку у меня принял. А этот... Одну серёжку из ушей я быстро сняла, а с другой промешкала. Так он чуть не вырвал её из мочки.

- Я бросился к Людочке на помощь, - добавляет Ладыгин. - А этот бандит выстрелил в меня. Два раза. Забудешь ли такое?

- А что делал в это время другой преступник?

- По-моему, он не ожидал такого поворота. Закричал: «Эдик. Эдик! Да ты что!...». Мне думается, он и об оружии не знал, и своего напарника - тоже.

Оформляю протокол и поднимаюсь из-за стола.

- Ну что же... Спасибо, что пришли к нам.

- А этого «Эдика», видимо, так и не задержали? - сокрушается Ладыгина.

- Задержим. Обязательно задержим, - заверяю супругов. - Можете мне поверить.

Я говорю так не потому, что хочется успокоить и подбодрить их. Сегодня у нас действительно больше возможностей для его поимки и разоблачения.

Я прощаюсь с Ладыгиными. И как только они уходят, достаю из папки составленную мной справку о личности Пикулина.

«Пикулин Игорь Константинович, 1984 года рождения, русский. Образование - восемь классов. Холост. Родственников не имеет. Ранее не судим. До ареста работал на заводе «Метиз» слесарем. Занимался в секции бокса спортивного общества «Труд». Имеет первый спортивный разряд...»

Значит, не совсем потерянный человек. Почему же скрывает напарника?

Берусь за телефон, набираю номер Наумова. В трубке долгие гудки. Наконец, слышится щелчок и приглушённый от одышки голос Сергея.

- Здесь Наумов. Слушаю вас...

- Привет, Сережа! Что так загнанно?

- А-а, это ты, Владик... Дай дух перевести... Задержанного доставляли. Так вырывался - насилу с Громовым управились. Иду по коридору - слышу звонок в кабинете. Пока открывал дверь, пока к столу бежал...

- Запрос о Пикулине сделал?

- Да. По телетайпу.

- Ну и как? Что ответила колония?

- Жив-здоров. На месте.

- Это далеко?

- Да километров сорок. В Прибрежном... Уж не хочешь ли ты скатать к нему?

- Угадал. Хочу. Очень личность для меня интересная.

Поговорить надо.

- Есть что-нибудь новенькое по делу?

- Да. Ладыгиных повидал. Убеждён теперь: в лесопарке и в «Бирюзе» стрелял один и тот же человек - Эдик.

- Что же Пикулин молчал о нём, как рыба?
- Вот и надо выяснить.
- Когда думаешь ехать?
- При первой возможности.
- Ну-ну... Желаю успеха.
- Салют!

Я кладу трубку, задумываюсь. Почему смолчал Пикулин? Из чувства товарищества? Из страха перед ним? Так ведь Пикулин - спортсмен. Боксёр!..

Да, да... Боксёр... А как личность? Что он за человек, кто скажет? Кто знает его лучше - мастер? Тренер? Надо бы встретиться с ними. В деле-то Пикулина о них - ни строчки.

Эх, Соловьёв, Соловьёв! Как же ты мог обойти их вниманием? Я гляжу на часы. Время уже позднее. Пора двигаться к дому. А дома, после ужина, Лена стучит в мою дверь:

- Можно?
- Конечно, заходи!

Лена проскальзывает в комнату, и я с удивлением замечаю в её руках гитару.

- Вот, играй на здоровье.

Гитара на вид совсем новая. Даже струны не натянуты.

- Где ты взяла?

Лена отводит глаза и как-то чересчур беспечно отвечает:

- У подруги выпросила. Всё равно валялась без дела. Так что владей и отводи душу.

Лена, Лена!.. Вчера она неожиданно умчалась в Москву. Это же она за гитарой ездила! Сердце моё переполняется нежностью.

- Спасибо, - говорю. - Спасибо за царский подарок. И как хорошо, что у тебя такая отзывчивая подруга. Передай ей, пожалуйста, что отныне и я буду её самым верным и преданным другом.

Лена вскидывает брови, долго смотрит на меня, стараясь понять, шучу я или говорю серьёзно. По-видимому, истинный смысл моих слов доходит до неё, потому что лицо её вспыхивает от смущения, и она торопливо отвечает:

- Хорошо, хорошо, передам... А ты сыграй мне что-нибудь.

- Прямо сейчас?

- Если не занят, конечно.

Я настраиваю гитару, тихонько трогаю струны. Начинаю с простенькой мелодии и негромко напеваю:

Живёт моя отрада

В высоком терему.

А в терем тот высокий

Нет хода никому...

Гитара в руках подрагивает. Дрожит и мой голос, пощипывает подушечки пальцев... Как давно я не играл!

Поставив локоть на край стола и подперев ладонью голову, Лена, кажется, не столько слушает, сколько внимательно разглядывает меня, будто нашла во мне нечто такое, что ей доселе не было ведомо.

Беру новые аккорды и, стараясь развеселить, шутливо напеваю новую песенку:

А мне мама говорила,

Говорила, говорила!

Целоваться запретила,

Запретила, да!..

Чёрт ли с этим согласится,

Согласится, согласится?

Для меня же не годится,
Не годится, да!...

И Лена улыбается.

- А ты, оказывается, ещё и артист. Вот не знала!

Я откладываю гитару и, подражая Карлсону, продолжаю дурачиться:

- О! Я самый лучший в мире артист! Самый талантливый!

Лена залихватно смеётся, но в этот момент в прихожей раздаётся звонок. Она срывается со стула и выбегает из комнаты. В открытую дверь мне хорошо видно, как высокий молодой блондин с церемонной вежливостью протягивает Елене огромный букет цветов, а Лена, улыбаясь, проводит гостя в свою комнату. Через минуту она возвращается и говорит мне:

- Это Румянцев Славик. Ты уж поиграй без меня. Ладно?

Я пожимаю плечами: Славик, так Славик. Знаю её коллегу. Знаю, что в одной школе с ней работает, что уже третий месяц заладил сюда... Но Лена снова улыбается и тут же исчезает. Мне почему-то неприятно слышать их весёлые голоса за стеной. А ведь опять как хорошо начинался вечер!..

6

... Вот и пятница. Думал, она что-нибудь прояснит в отношении «Бирюзы», но... И мне ничего не остаётся делать, как выправить командировочное удостоверение и ехать в исправительно-трудовую колонию к Пикулину. Решаю предварительно встретиться с его бывшим тренером Склярком и мастером слесарного участка завода «Метиз» Хлебниковым.

Созваниваюсь сначала с тренером. Отвечает неохотно, с тревогой. Почему? Ладно, выясним.

В большом просторном зале спортобщества «Труд» десяток здоровых, мускулистых парней в массивных боксёрских перчатках на руках пружинисто кружат по полу и неистово лупцуют друг друга. Скляр поворачивается ко мне, отрывисто и нервно произносит, показывая золотые зубы:

- У меня, как видите, не детский сад... Я готовлю боксёров, вмешиваться в их личную жизнь мне, знаете ли, недосуг...

- И всё же, - говорю терпеливо. - Что вы можете сказать о Пикулине?

- Ничего, - резко отвечает он, видимо, стремясь поскорее закончить разговор. - Я прочил его в чемпионы республики. Ко мне-то какие могут быть претензии? Я в этом деле чист, как стёклышко. И в спорткомитете отчитался за него. Зачем же снова воду мутить?

Мы сидим с ним за столиком в углу зала, смотрим на «будущих чемпионов» и говорим как будто на разных языках. Этот коренастый, жилистый мужик с редкими волосами на голове, водянистыми глазами и с перебитым носом никак не может или не хочет понять меня.

Я делаю последнюю попытку.

- Вам-то сейчас ничего и не грозит. Речь о Пикулине, вашем воспитаннике. Как всё-таки случилось, что он так сорвался?

Глаза Скляра становятся ледышками.

- Я ему не нянька, - говорит он тоном, не допускающим возражений. - У меня своих забот хватает. Скоро снова республиканские... Мне могут «заслуженного» присвоить. И я знать ничего не хочу об этом бандите.

Нет, не присвоят ему звание! Быть такого не может. Кто-нибудь ещё да увидит, что он за человек. И навряд ли его подопечные

добьются на республиканских соревнованиях каких-либо успехов: школа не та! Не та школа!..

Мы сухо прощаемся, и я ухожу, провожаемый гулким хлопанием перчаток.

На улице ещё светло, хотя солнце почти скрылось за домами.

Эх, была не была, махну сразу и к мастеру. Без предупреждения. Чего тянуть? Пусть уж и с ним прояснится сегодня.

На остановке прыгаю в раскрытую дверь троллейбуса и через десять минут оказываюсь в уютной двухкомнатной квартире Хлебниковых. Хозяин - подвижный, хотя уже и немолодой, встречает меня без какой-либо тревоги и смущения. Радужно проводит в большую комнату и наказывает жене - симпатичной, улыбчивой блондинке - «быстренько сообразить что-нибудь на стол». Вскоре перед нами вьётся из красивых чашек душистый парок крепко заваренного чая, и беседа сама собой становится всё более непринуждённой и доверительной.

- Да, золотые у Игоря руки. Цены им нет! - восклицает Хлебников. - Он отодвигает недопитую чашку. - Бывало, что ни поручишь ему: штамп какой сделать или приспособление... ещё и чертежей нет порой, одна задумка - в момент справится. Посидит, покумекает, что-то прикинет, что-то примерит... Глядишь - готово уже!

- Значит, неплохой был парень. Как же тогда всё так с ним получилось?

Хлебников вздыхает, расстёгивает на волосатой груди рубашку, откидывается на спинку стула.

- Что уж скрывать - упустили мы его. Парень работал, что надо. А коль с заданием справлялся, не подводил, а порой и выручал коллектив, то особой тревоги за него не испытывали.

Хлебников наливает нам ещё по чашке чая и продолжает вспоминать.

- Как-то раз, правда, пришёл он в цех словно после крепкого подпития. Глаза красные, веки опухли, голос сиплый...

«Что это ты себе позволяешь!» - сказал я ему. А он мне в ответ: «Извини, Пал Палыч. Так уж случилось». Ну, я и поотстал. А зря. Надо было допытаться, что да к чему. Глядишь, и уберёг бы парня.

- Только раз так было?

Хлебников неторопливо прихлёбывает из чашки.

- Так -только раз. Хотя, ребята сказывали, - по ресторанам он хаживал

- Говорят, был чемпионом города по боксу?

- Да, славу имел. Но она ведь не только радость. Иных и отравить может. Не каждый перед ней устоит, особенно, когда ему ещё восемнадцать... Я потом с тренером его схватился. Как же, мол, ты допустил, чтобы споткнулся парень. Так ведь он меня и слушать не стал. Мол, авторитет его подрываю. По-моему, дрянной он человек. Дрянной!..

Я помалкиваю, хотя полностью согласен с этой аттестацией. Сейчас мне нельзя объявлять собственные выводы. Такое мне, как должностному лицу, не положено в беседе с людьми. И я молчу.

- А вы, собственно, почему интересуетесь Игорем? Он что-нибудь опять выкинул?

- Нет-нет, - спешу успокоить Хлебникова. - Просто кое-что осталось невыясненным в его деле. Вот и хотелось бы поговорить об этом. Он ведь не один был в тот злополучный вечер. А вот назвать соучастника - не захотел. Как вы считаете - почему?

Хлебников отставляет в сторону чашку.

- Всяко может быть... - говорит задумчиво - Парень-то он душевный, даром что сиротой рос. Может, пожалел того, вот и умолчал о нём. Я Игорька знаю: горе у кого, или забота большая - всего себя этому человеку отдаст. Уж очень отзывчивый. И помяните

моё слово - здесь тоже что-нибудь такое случилось... Вы с ним будете говорить?

- Буду.

- Поимейте это в виду. Да, спохватывается Хлебников, - привет от меня передайте. Скажите, Пал Палыч на него хоть и в обиде за «ЧП», но в любое время готов принять на участок. Да и ребята по-хорошему о нём вспоминают. Я правда, писал ему об этом, да он на письма не отвечает. Верно, стыдится за себя. Только зря замыкается. Вы и это передайте. Мол, верим в него, в его рабочую струнку верим. Так и передайте, ладно?

- Так и передам, - улыбаюсь. - Спасибо вам, Пал Палыч.

- За что же спасибо?

- И за прямоту вашу, и за радушный приём... За всё!

Я допиваю чай, поднимаюсь из-за стола.

- Ну... Мне надо идти.

Он несколько растерянно протягивает руку. Крупную, жилистую...

Я с чувством пожимаю её.

- До свидания!

- А, может, посидим?

Я качаю головой и вдруг ловлю себя на мысли, что не выяснил ещё один вопрос.

- Совсем забыл, - говорю. - А с кем дружил Игорь?

- С кем дружил? - Хлебников задумывается. - Да вся бригада уважала его, - говорит он через минуту.

- А Эдик у вас на участке есть?

- Эдик? Нет у нас такого. Ни на участке, ни в цехе.

Я ещё раз прощаюсь с ним и с вышедшей из кухни гостеприимной хозяйкой и покидаю их квартиру.

На улице уже стемнело, стало прохладнее. Неторопливо иду к своему дому, медленно проигрываю в памяти сегодняшние встречи...

Как хорошо, что на свете есть такие Хлебниковы! Обязательно скажу Пикулину, чтобы держался своего Пал Палыча. Я иду и с каждой минутой всё во мне, прежде скованное заботами и тревогами напряжённого трудового дня, словно оттаивает. Хорошо!

На углу улицы, под ярким фонарём какая-то дородная тётя всё ещё торгует фиалками. Правда, в корзине осталось лишь несколько букетиков. Покупаю все. Для Лены. И делаю это с превеликим удовольствием. Давно хотелось осыпать её цветами. А тут - вот они!..

И снова в полнейшем радужном настроении шествую к дому. Несу фиалки, а вижу изумрудные глаза Елены, её нежные белые руки, милую улыбку... И вдруг замечаю у подъезда дома знакомую долговязую фигуру Славика Румянцева. Слоняется туда-сюда, туда-сюда... Прячу фиалки за спину: только бы он не увидел их.

Румянцев тоже узнаёт меня, останавливается.

- Здравствуйте, - говорит он и почему-то счастливо улыбается.

- Привет, - нехотя выдавливаю из себя. - А где же ваши цветы?

- Цветы? - удивлённо переспрашивает Румянцев. - Ах, цветы!..

Они у Лены. Она всегда так радуется им.

- Значит, вы уже от неё? - Злость буквально распирает меня. -

Тогда что же вы всё у подъезда толчётесь?

- Румянцев вспыхивает и, запинаясь, отвечает:

- Вот... Не хочется... Уходить не хочется...

- Ну-ну, - насмешливо говорю я. - Побродите под окнами, спойте серенаду...

В глазах Румянцева растерянность. Он озадаченно спрашивает:

- Зачем вы так?

А мне и самому неудобно за дурацкую издёвку. Парень, он, как парень... Чего я на него взъелся? И какое мне дело, кто кому дарит цветы и почему их принимают.

- Простите, Славик... Всего вам хорошего.

Боком проскальзываю в подъезд и на своём этаже выбрасываю фиалки в мусоросборник. На душе делается так тяжело, будто вместе с цветами выбросил ещё что-то, дорогое-дорогое, без чего и жить нельзя, наверное. Осторожно, стараясь не греметь, вставляю ключ в замок, открываю дверь и почти на цыпочках крадусь в свою комнату.

Но не тут-то было. Стремительно распахивается дверь кухни, и в проёме возникает Елена.

- Добрый вечер!.. Что такой пасмурный?

- Разве? - спрашиваю с напускным удивлением. И, не сдержавшись, сердито выпаливаю:

- Зато другой, у подъезда, вне себя от счастья.

Весёлые искорки в её глазах гаснут. Она смотрит на меня непонимающим взглядом.

- О ком ты говоришь?

Кажется, она действительно не понимает, в чём дело. Но мне не хочется вдаваться в объяснения, и я молчу.

Лицо Елены становится вдруг задумчивым.

- Слушай, Владик, - тянет она слова, впервые называя меня по имени. - Уж, не ревнуешь ли ты? Вот не ожидала!

А ведь в точку попала. И для меня это ужасное чувство - полнейшая неожиданность. Ишь, какой Отелло выискался!

Порываюсь скорее ретироваться, но Елена сердито останавливает:

- Нет, Демичевский. Давай договоримся: мои друзья - это мои друзья...

Скрип двери заставляет её умолкнуть. В коридоре появляется встревоженная Екатерина Ивановна.

- Леночка, милая... Что тут у вас?

Лена бросает на меня обиженный взгляд и, не ответив, уходит. Смущённо смотрю на Екатерину Ивановну, она - на меня.

- Владислав Викторович, что случилось?

- Ничего, - поспешно заверяю я. - Так, поговорили... Вы уж не беспокойтесь.

Она недоверчиво качает головой и торопливо возвращается в комнату.

Мне делается совсем нехорошо. Ну что я за остолоп такой! Сам себе всё испортил.

Так и засыпаю с гнетущим чувством чего-то тяжёлого, почти непоправимого. С тем и просыпаюсь, весь в холодном поту от мучивших во сне кошмаров. В мыслях только Елена, её глаза, полные обиды. О Кате почему-то и не вспоминается. Даже наоборот - не хочется вспоминать. Что же это со мной? Неужели всё-таки опять втрескался? Всерьёз, по-настоящему. Разве такое бывает?...

Прохожу в ванную комнату, прислушиваюсь - кто на кухне? Если там Елена, лучше уйти из дому без чая. Ведь мне сейчас и не взглянуть на неё, наверное. Но на кухне тихо. А время - уже восемь... Быстро умываюсь, одеваюсь... На кухне по-прежнему ни шороха. А меня уже томит эта тишина. Прохожу туда, наливаю чай и как можно медленнее прихлёбываю из чашки. Мне уже не хочется быть одному. Хочется хотя бы на миг, всего на мгновение, но увидеть Елену, её лицо, её глаза: что будет в них - все та же милая улыбка, или... Об «или» и думать страшно. От «или» - свет будет не мил.

Словно угадав моё желание, появляется Лена. Уже одетая.

- С добрым утром! - говорит она, лукаво поглядывая в мою сторону.

- Здравствуй! - счастливо откликаюсь я. От этих её слов и взглядов у меня будто и впрямь гора сваливается с плеч.

Лена!.. Моя Прекрасная Елена! Ты снова идёшь мне навстречу. Такому упрямому и бестолковому. За что мне этакое счастье?

Через час уже еду в колонию. За окнами вагона электрички сначала медленно, а потом всё быстрее плывут пристанционные постройки, жилые дома и деревья, мелькают зелёные поля и перелески, ручейки и речушки... Вспоминаю улыбчивые взгляды Елены и сам невольно улыбаюсь: спасибо тебе, спасибо!

За спиной слышится звон гитары, приглушённый шумок молодых голосов. От скамейки к скамейке бегают двое малышей-близнецов, кудрявые и озорные, одинаково одетые в матросские костюмчики... Всё это автоматически фиксируется в моём сознании, не вызывая каких-то особых эмоций, лишь уводит мысли к предстоящей встрече с Пикулиным: вдруг разговора не получится? И вообще - как он там, чем занимается?

Признаться, у меня не очень чёткие представления об исправительно-трудовых колониях. Ну, отбывают там правонарушители наказание, назначенное судом. Конечно, работают... А что ещё? Ведь, как известно, многие преступники, порой даже и матёрые, в конце концов выходят на свободу совсем другими людьми, как говорится, - исправившимися. В чём здесь «секрет»?

Когда мне случайно приходится встречаться с работниками колоний, всегда интересуюсь этим. Но, как правило, они отшучиваются, переводя разговор на другое... Скромничают, что называется. И всё же я испытываю к ним чувство глубокого уважения. В самом деле, вот мы - сотрудники милиции - тоже занимаемся правонарушителями. И столько сил, нервов, жизненной энергии нам это стоит! Допрашиваешь какого-нибудь уголовника, а он волком смотрит, зубами на тебя скрипит. Думается, дай волю такому... А там, в колонии, немало таких. И вот, попробуй, выведи их в люди!...

Электричка замедляет ход и скоро останавливается у небольшого вокзала. Близнецы бросаются к окнам: «Прибрежный!». В вагоне зашевелились. Я тоже поднимаюсь, двигаюсь к выходу.

У привокзального скверика сажусь в автобус и еду до самой окраины посёлка. Там, как объяснили мне попутчики, нужно выйти на просёлочную дорогу, и уж она-то приведёт к колонии.

И в самом деле, минут через двадцать передо мной предстает бетонный забор с вышками на углах, массивными железными воротами и небольшим помещением КПП.

В узком шлюзовом пенале КПП передаю в окошко своё служебное удостоверение. Молодой прапорщик охраны сначала внимательно рассматривает удостоверение, потом меня, затем спрашивает, к кому из сотрудников я хочу пройти.

А к кому же ещё, как не к начальнику? Накануне ему уже сообщили по телетайпу о необходимости нашей встречи.

Прапорщик снимает телефонную трубку, с кем-то говорит, просит меня подождать немного. Вскоре появляется пожилой седоволосый капитан и предлагает мне пройти за ним в «зону», в «штаб».

- Я провожу вас к начальнику, - поясняет он.

- Как мне его называть? - интересуюсь по дороге.

- Майор Васильев. Николай Алексеевич.

Слушаю, а сам всё невольно верчу головой. Я не робкого десятка, и по работе - где только не приходилось бывать. Но здесь, в «зоне», мне почему-то делается не по себе. Перед нами здание за зданием, и кажется, что вот-вот из-за угла одного из них кто-то выскочит и бросится на тебя.

Смешно, конечно, так думать. Однако - думается, чёрт возьми, не в пионерский лагерь приехал! И прибавляю шаг.

А ни у зданий, ни на дорожках между ними - ни души. Вот, правда, показывается один человек. В тёмной спецовке.

Поравнявшись с нами, сдёргивает со стриженной головы такой же тёмный картуз, отступает в сторону и негромко произносит:

- Здравствуйте.

Мы отвечаем на приветствие и идём дальше. Я по-прежнему выкручиваю шею, но, кроме пышных цветников и газонов, больше ничто и никто не попадает в поле зрения.

Капитан чуть заметно усмехается:

- Я тоже здесь поначалу чуть не галопом бегал... Всё нормально!.. Не беспокойтесь.

- Я и не беспокоюсь, - отвечаю. - Чудно только: колония, и вдруг - цветы.

- нравятся?

- Красивые.

- Вот... Затронуло вас. Глядишь, и у другого при виде их в душе потеплеет, - раздумчиво замечает мой провожатый.

- А где другие-то? Пока одного лишь и встретили.

- Что ж им без дела болтаться. День только начался. Каждый на своём месте.

Поди ж ты... Ну-ну, посмотрим, что будет дальше, каким окажется начальник.

... А Васильев ещё относительно молод, лет сорока. Круглолицый, широкоплечий, по-военному подтянутый. Встречает меня в своём кабинете приятной, располагающей улыбкой. Энергично пожимает руку.

Глаза мои быстро схватывают весь кабинет: большой письменный стол, ещё один - поменьше, приставленный к нему торцом, книжный шкаф, сейф, стулья, на окнах жёлтые шёлковые шторы, на стене, над большим столом - портрет Антона Семёновича Макаренко... Всё очень просто и скромно...

Выясняется, что Пикулин сейчас в школе, где учится в девятом классе. Так что встретиться с ним можно будет не раньше чем через два часа.

- А разве он ещё и учится? - задаю я наивный, наверное, вопрос, потому что Васильев смотрит на меня с удивлением.

- А как же! И не он один. Закон о всеобуче действует и у нас. - не без удовлетворения отзывается он после небольшой паузы. - Без образования - что делать сегодня на свободе?

- Не пытаются увильнуть от занятий?

- Бывает, - соглашается Васильев - Иного больших трудов стоит приобщить к ним. А потом - спасибо говорит. Посудите сами, ведь как только наши подопечные переступают порог школы, так словно в другой мир попадают, в другую среду. Там и знания им дают, и возможность подумать о своей судьбе, взглянуть на себя как бы со стороны. Смотришь, постепенно меняется человек. На жизнь уже по-другому смотрит, так как всем нам и положено, по-деловому и разумно.

- Значит, школа здорово вам помогает.

- И школа, и ПТУ, - снова с удовольствием подтверждает Васильев. - Мы ведь здесь и профессию даём, у кого её нет. Готовим токарей, слесарей, фрезеровщиков... А как же иначе?

- Резонно, - соглашаюсь я и прошу рассказать о Пикулине: что он за человек, как относится к работе и учёбе, к своему преступлению?

- Ну, сейчас-то он у нас не на плохом счету, - быстро откликается Васильев. - В передовиках, правда, не ходит, но и замечаний особых не имеет. А вот два года назад - и слово из него не вытянуть было. Учиться отказывался, работать не хотел. Отрешённый был, нелюдимый... Срок-то ему большой дали, вот и считал, что ему теперь ни до чего нет дела, вся жизнь, мол, мимо проходит. Так что

поработать с ним пришлось изрядно... Да вы посмотрите его личное дело, почитайте характеристики.

Васильев пододвигает мне толстущее дело. Листаю характеристики.

«... По характеру замкнут. От работы и учёбы отказывается. На доверительные беседы воспитательного характера не реагирует...»

«... Преступление своё осуждает, но по-прежнему считает, что к настоящей жизни он уже не пригоден. В отчаянии, что она проходит мимо него...»

«Вспыльчив, дерзок, в коллективе ведёт себя обособленно. Ни с кем не переписывается, товарищей не имеет, работать и учиться не желает. На убеждение и примеры о возвращении к честной трудовой жизни других таких же осужденных не отзывается, к администрации и наставлениям относится с недоверием...»

«Согласился начать учиться в вечерней школе. Успевает по всем предметам. Впервые за два года выполнил на производстве месячное задание, представлен к поощрению правами начальника отряда...»

«Работает старательно, инициативно. Выдвинут на должность бригадира. Стал более общительным, вступил в физкультурно-спортивную секцию, оказывает большую помощь активу в организации её работы. Мечтает о досрочном освобождении. К мнению администрации прислушивается, безотказно выполняет все её распоряжения...»

Да... Тут всё, как в зеркале. Интересно посмотреть теперь на самого Пикулина. Как-то у меня с ним сложится разговор?

С Пикулиным встречаемся в этом же кабинете. В час дня Васильев вызывает дневального и просит пригласить его к нам. Спустя пять минут раздаётся негромкий стук в дверь.

- Войдите, - откликается Васильев. В кабинете появляется невысокий парень в тёмной хлопчатобумажной куртке и таких же

брюках. Снимает с головы фуражку вытягивается у порога и чётко докладывает, обращаясь к Васильеву:

- Гражданин майор, осужденный Пикулин Игорь Константинович, статья 162, часть вторая, срок - семь лет, по вашему вызову прибыл.

- Проходите, садитесь, - приглашает его к маленькому столику Васильев.

Прежде чем сесть, Пикулин бросает на меня быстрый взгляд. Видимо, сообразил, что его вызов связан с моим присутствием здесь. Озабоченно присаживается напротив. Снова окидывает меня быстрым взглядом. Чувствуется, его тревожит мой штатский вид, и он никак не может догадаться, кто я, и что мне от него надо?

- Вы уж тут без меня побеседуйте, - говорит Васильев. - А я вас пока оставлю. Понадоблюсь, - нажмите кнопку на столе.

И выходит, подбадривающе кивнув Пикулину. На мгновение в кабинете воцаряется тишина.

- Следователь Ильменского райотдела полиции капитан Демичевский, - представляюсь я Пикулину. - Мне нужно о многом поговорить с вами.

Он с ещё большей настороженностью вскидывает на меня свои светло-серые глаза и тут же отводит их в сторону. Весь его скованный вид подсказывает, что говорить ему со мной не очень-то и хочется. Нужен какой-то подход, чтобы вызвать его на откровенность. Но какой?

- Курите? - спрашиваю и придвигаю к нему пачку «Беломора».

Он поворачивает голову, молча вытаскивает из пачки папиросу, прикуривает от моей спички. Закуриваю и я.

Пикулин не смотрит на меня. Часто затягиваясь, косит глазами в угол. Папиросу держит не между пальцев, а укрывает в кулаке, словно курит тайком или на ветру, в сильный дождь. Кисти рук у него широкие, пальцы загрубевшие, по-настоящему рабочие.

И тут мне вспоминается разговор с его мастером. Как же я забыл об этом?

- Вам привет от Хлебникова.

Голова Пикулина произвольна дёргается. Он недоверчиво смотрит на меня.

- От кого, от кого?

- От Пал Палыча, мастера вашего.

- Не может быть...

- Почему?

- А когда вы с ним виделись?

- Вчера.

- И он ещё помнит меня?

- Не только помнит, но и всей душой переживает за вас. Готов в любое время принять на свой участок. Считает вас первоклассным слесарем. Или ошибается?

- А вы-то к нему с какой стороны?

- Да тут вот как всё получилось... В связи с одним происшествием пришлось нам поднять ваше дело. Так на Пал Палыча и вышли. И разговорились с ним о вас.

- А что за происшествие? Почему понадобилось изучать моё дело?

- Что за происшествие? - медлю с ответом. - Мы ещё к нему вернемся. Вы мне лучше вот что скажите: кто всё-таки был с вами в тот злополучный вечер 30 сентября 2010 года, когда двумя выстрелами из пистолета ранили гражданина Ладыгина?

Пикулин морщится, гасит в пепельнице окурки.

- Я уже говорил на суде - не знаю.

- Ну, Пикулин... А мне здесь рассказывали, что вы, вроде бы, за ум взялись. Если так, зачем крутить старую песню?.. Вот выйдете из колонии, начнёте новую жизнь. И вас не будет тяготить, что человек,

втянувший вас когда-то в грязное дело, всё ещё на свободе и, быть может, совершает новые преступления?

- Значит, он всё-таки не пойман.

- Пока - да. Ведь вы упорно покрываете его.

Пикулин отводит глаза.

- И всё-таки... Что он ещё натворил? - глухо спрашивает через минуту.

- Совершил разбойное нападение на один из фирменных магазинов.

В глазах Пикулина недоверие.

- Почему вы думаете, что это сделал он?

- Его опознали. И потом... В этом магазине и в Ладыгина стреляли из одного и того же оружия. Что это за оружие, Пикулин?

Он опускает голову:

- Не знаю.

- Кто этот человек? Как вы с ним познакомились?

Парень молчит, упорно смотрит в сторону.

- Да поймите же вы!.. - начинаю я заводиться и останавливаю себя. Заводиться-то мне и нельзя. Ну никак нельзя. Ради моего дела. Ради всех тех, кто вскоре может вновь оказаться жертвой «Эдика».

- Поймите, - приглушаю я свой голос. - Быть может, сейчас, пока мы с вами разговариваем, этот человек снова в кого-нибудь стреляет. В того же Пал Палыча, не дай бог!

- Разрешите ещё папиросу, - охрипшим голосом просит Пикулин.

Пододвигаю к нему «Беломор». Пикулин закуривает, жадно затягивается.

- Так кто этот человек? Как зовут его?

- Эдик, - тяжело вздыхает Пикулин. - А вот фамилию, где живёт и работает, не знаю. Честное слово не знаю.

- Когда и как вы с ним познакомились?

Он опять делает несколько глубоких затяжек.

- Три года назад. В августе. В ресторане «Солнечный». Не подрассчитал я маленько, оказался перед официантом банкротом. Девочек своих выпроводил, чем расплачиваться - не знаю. Тут он и подсел ко мне. Расплатился за меня и ещё заказ сделал. Мол, счастлив познакомиться с чемпионом. Расстались друзьями. Вот так всё и началось.

- Что - всё?

- Ну... моё падение, что ли... Поверьте, это вышло случайно. Как раз в тот вечер, 30 сентября, денег не оказалось ни у меня, ни у него. Договорились с официантом, что подождёт с часок. А сами нырнули в парк, как раз рядом с рестораном... Если бы я не так пьян был, домой скатал бы или занял бы денег у знакомых. А тут он всё подзуживал: у первых попавшихся спросим, скажем - потом, мол, отдадим. Опомнился, когда он уже стрелять начал. Как и куда я потом бежал - не помню. Только кто-то догнал, скрутил меня в бараний рог и сунул в «канарейку»... в машину, значит, вашу.

- Почему на следствии и на суде промолчали?

Пикулин грустно усмехается.

- Эдик как-то сумел переслать мне записку. Мол, дьявол попутал. По гроб будет обязан, если умолчу о нём. Свадьба, мол, у него скоро, зачем и невесте жизнь портить... Неужели всё заливал?

- А кто невеста? Видели её?

- Девчонок-то у него много было. Может, Светка? В сентябре он всё ней крутился. Фамилию, правда, не знаю... Беленькая такая. Где-то парикмахершей работает.

Вот так, слово за слово, и проясняется картина. Остаётся предъявить Пикулину рисованный портрет «Эдика». Нажимаю кнопку звонка и прошу появившегося Васильева вызвать понятых. В их присутствии кладу на стол рисунки.

- Может, узнаете кого... - говорю Пикулину.

- Вот. - Он указывает на портрет Эдика. - Если бы знал, что снова может на подлость пойти - давно бы показания дал.

Он опускает голову. И, пока разглядываю его, думаю о своём. Я понимаю, что происходит в его душе.

- Что передать Пал Палычу?

Пикулин поднимает голову, глаза оживают:

- Скажите... Пусть ждёт. Скажите, отхожу понемногу от нокаута.

На другой такой не попадусь... Да я сам напишу ему.

- Вот это верно, - одобряю. - Таиться от него не надо. Золотой он человек!

- Это точно! - отзывается Пикулин. И смотрит уже заметно веселее.

Из колонии меня провожает Васильев. На дорожках по-прежнему ни души, только из клуба слышатся серебряные звуки трубы, да из заводских корпусов доносится гул станков, грохот металла, посвист резцов. И, глядя на моего провожатого, задумчиво бредущего к проходной, я понимаю, какие обычные, и в то же время удивительно сильные духом, по-человечески добрые люди работают тут с Пикулиным: учителя, мастера, воспитатели... Ведь Пикулин и раскрылся-то мне лишь потому, что поверил в добрую улыбку Васильева, в учителей своей школы, где сейчас учится, поверил здесь в своё лучшее будущее.

И снова - электричка. Возвращаюсь домой. Опять стучат на стыках рельсов колеса поезда, за окнами вагона - уже знакомый мне пейзаж. В голове мысли о Громе, о Наумове: у них что нового?

И, конечно, думаю о Лене. Всего-то несколько часов не виделся с ней, а уже с нетерпением жду новой встречи. Но неприятно мелькает в голове одна и та же навязчивая мысль: почему Лена принимает ухаживания Славики? Неужели не видит, что к чему?

А колёса всё стучат и стучат... И думы, думы, думы...

Сегодня уже суббота. Как быстро летит время!

Первый, кто попадается мне в отделе - это Наумов. Чуть не сталкиваюсь с ним на лестнице. Лицо у него усталое, напряжённое. Но, увидев меня, приветливо улыбается.

- Салют! Уже вернулся!

Мы обмениваемся крепким рукопожатием.

- Как съездил - с результатом или вхолостую?

- Нормально, - говорю. - Пикулин, в сущности неплохой парень.

Рассказал всё, что нужно... А ты куда торопишься?

Наумов хмурится.

- Да в больницу надо скатать. Тут, понимаешь, без тебя такое приключилось... Утром звонок по «02». И кричат в трубку: «Приезжайте скорее! Сосед разбушевался, по квартире с топором бегают, всё крушит, всё рубит...». Ну, мы с Кандауровым и выскочили по адресу. Короче, сержант удар на себя принял, тем и спас хозяйку.

Кандауров! Помощник дежурного!

- Сам-то он хоть жив? - спрашиваю, а горло словно сдавило стальными тисками.

- Второй удар я успел перехватить. А вот от первого ему досталось, - удручённо отвечает Наумов. - Всё плечо разворотило. Хирург говорит: если и будет жить, то служить - вряд ли... Вот, спешу узнать - очнулся ли?

- У него есть кто из близких? - спрашиваю тихо. - Мать? Жена? Невеста?..

- Одна мать. Жениться только ещё собирался. Девушка у него славная. Знаю её. Мы ведь с ним в один день в загс заявления подавали.

- Как же они теперь?

- Я и говорю - девушка у него хорошая. Всё понимает, глаз с него не сводит, дай бог каждому такую!... И он мужик крепкий... Глядишь, выкарабкается!

- Хорошо бы всё обошлось! Порадовал, что называется.

- А ты к Громову зайди. Может, утетишься. Он тебе ещё одного свидетеля откопал. А я побегу. Ладно?

- Давай, давай... Беги!

И Наумов исчезает. Настроение у меня - хуже не надо. Иду к Громову: что ещё за свидетель? И застаю у него щуплого рыжеволосого парня.

Увидев меня, Громов хмуро спрашивает:

- О Кандаурове слышал?

- В курсе, - отвечаю. - Наумов сейчас поехал к нему... А у тебя что нового?

Лицо Громова светлеет.

- Вот, знакомьтесь, - кивает он на паренька. - И с довольным видом продолжает:

- Бывший мой подшефный, а нынче - лучший таксист города Владимир Владимирович Бучкин.

Парень смущённо опускает глаза.

- Скажете тоже... Шофёр как шофёр.

Громов улыбается.

- А чья фотография в городском парке? Не твоя разве? Нет, Володя. Ты своей доброй славы не стесняйся. Её ещё не каждый заслужил. А твой портрет уже в галерее передовиков.

Он поднимается из-за стола освобождая мне место, пересаживается в угол.

- Лучше расскажи нашему следователю, товарищу Демичевскому, о Камиллове, - где, когда и при каких обстоятельствах с ним встречался. Так же подробно, как мне сейчас рассказывал.

Бучкин с минуту молчит, собираясь с мыслями, потом спокойно и подробно начинает объяснить:

- Эдиком его зовут. Камиллов Эдик. Я с ним года три назад познакомился. Вместе пятнадцать суток отбывали. Он нам всё анекдоты травил да разные байки о Чёрном море рассказывал, как там летом с девчонками развлекался. В общем-то, весёлый парень... И тут вдруг, дней десять назад, встречаю его вечером, часов около семи, у «Бирюзы». Прохаживается у дворика, покуривает, будто ожидает кого из магазина. Я к нему: «Здорово, Эдик!». Повернулся он и поначалу вроде как испугался чего-то. А когда узнал - заулыбался, подхватил под руку и давай выпытывать, как живу, да чем живу, вожу ли ещё машину... Настоящего-то разговора у нас с ним не вышло. Как сказал ему о моем анфасе в парке, он сразу поскучнел, заторопился прощаться. И больше уже я не встречал его. Так бы и не вспомнил о нём, если бы не вчерашний разговор с товарищем Громовым... Ушёл он от меня, а я и уснуть не могу, всё его вопросы и рассуждения о «ЧП» в «Бирюзе» из головы не выходят. И вдруг - как огнём меня ожгло: а чего это Эдик крутился у магазина, не он ли там нашкодил? От корешей своих прежних слышал, что на любое подлое дело пойти может, такой уж он парень заводной. И вот как подумал о нём, так еле утра дождался, чтобы позвонить к вам.

- Портрет показывал? - спрашиваю Громова.

- А как же, - отвечает. - Оpozнал его Бучкин. Камилов был в «Бирюзе».

Оформляем показания Бучкина и прощаемся с ним.

- Золото, а не свидетель! - восхищается Громов.

- Как ты вышел на него?

- Мы же договорились у Белова - ещё раз пройтись по квартирам в районе «Бирюзы». Бучкин как раз на той же улице живёт. Дай, думаю, к «крестнику» своему загляну. Отец у него, к сожалению, пьяница. Дома никому житья не давал. Вот парень и закуролесил. Много мне с ним повозиться пришлось, пока на путь истинный поставил. А вчера захожу к нему и откровенно так спрашиваю:

«Слышал, что в «Бирюзе» случилось?»

«Слышал», - отвечает.

«Ну и что ты обо всём этом думаешь? Кто мог там отличиться? Как думаешь?»

«Не знаю, - говорит. - Уж очень нахально действовали. У нас, вроде, таких громил и не водилось».

«Но и чужой, - говорю, - не смог бы так подготовиться, время на это нужно - и магазин изучить, и подходы к нему...»

Пожал он плечами, а сегодня утром и звонит мне: мол, вспомнил, что видел на днях у «Бирюзы» одного давнего знакомого.

Да, молодец Громов. Ну, теперь нам нельзя терять ни минуты.

- Где живёт Камилов, выяснил?

- Нет ещё.

- Как думаешь, сколько ему лет?

- Двадцать пять, не меньше.

Снять телефонную трубку и позвонить в адресное бюро - дело нескольких секунд, и вскоре в моём блокноте появляются два адреса: Камилова Эдуарда Каюмовича, 1988 года рождения, и Камилова Эдуарда Георгиевича, 1987 года рождения. Первый проживает по

улице Большая Садовая, 17, квартира восемь, второй - Заводская, 10, квартира двадцать восемь. Другие однофамильцы Камилова в адресном бюро не значатся. Кто из этих двух побывал в «Бирюзе»?

- Придётся проверять обоих, - озабоченно говорит Громов.

- Зачем обоих, - успокаиваю. - Интересующий нас Камилов, как ты слышал, отбывал пятнадцать суток. Надо поднять материалы, там его адрес тоже указан.

- Точно! - оживляется Громов. - И как это я не сообразил. Бывают заскоки - что ближе лежит, то и далёко!

- Ничего, ничего... Действуй! Доводи дело до конца? Лады?

- Лады!

- Белов здесь?

- Здесь. Тебя ждёт. Тут ему звонок за звонком из УВД. И всё по «Бирюзе». Мол, не требуется ли нам помощь? Белов, конечно, тактично заверил, что и мы тут не лыком шиты. Но, видно, там хотят подстраховать нас.

- Ничего, теперь и сами справимся.

Мы расходимся, и я отправляюсь к Белову.

- Ну, прибыл? - приподнимается он из-за стола, отвечая на моё приветствие. - В 17 часов оперативка по «Бирюзе». Нужно рассмотреть всё, чем мы объективно на сегодня располагаем... С Громовым виделся?

Я улыбаюсь.

- И с ним, и с его «крестником», Александр Петрович. По-моему, мы уже выходим к финишу.

- Ишь, какой шустрый, - усмехается Белов. - А вообще-то, давно пора. Подзадержались мы на старте.

- Зато сейчас набираем темп.

- Ой, Демичевский, - качает головой Белов. Что-то мы с тобой на спортивный лексикон перешли. Скажи проще: выяснил - кто?..

Камилов?

- Он, Александр Петрович. Он! Остаётся продумать: когда, где, как брать его... если, конечно, он ещё в городе.

Глаза Белова заметно веселяют. Он хлопает меня по плечу.

- Продумаем! Это мы, Демичевский, продумаем. Теперь мы его и на краю света найдем.

Он садится, но я не уйду. Хочется узнать, звонил из больницы Наумов, как состояние Кандаурова?

- Уже наслышан? - вопросом на вопрос отвечает Белов и хмуро продолжает. - Да-а, вот такие у нас невесёлые дела... Плохо Кандаурову. Всё ещё не пришёл в сознание... А ведь молодой! Ему бы только жить да радоваться, а вот поди ж ты...

Он удручённо вздыхает.

- Знаешь, не хочется, да и не люблю говорить высокие слова... Думаю сегодня об одном - лишь бы выжил парень! Обидно терять таких людей. Горько, понимаешь? Этот мерзавец, что с топором был, и мизинца его не стоит!..

Молча киваю и больше не задаю вопросов.

- Ну, иди, иди, - машет Белов.

И я выхожу.

А к пяти часам все приглашённые на совещание один за другим собираются в его кабинете. Присоединяюсь к ним и я. «Наш» Камилов, проживает, как выяснилось, по Большой Садовой, 17.

Опять присаживаюсь у окна, оглядываю присутствующих: за столом - Белов, сосредоточенно перебирает лежащие перед ним бумаги, на диване в напряжённых позах ожидания застыли Громов и вернувшийся из больницы Наумов, на стульях, расставленных у стен, разместились другие члены следственно-оперативной группы.

Белов, наконец, поднимается, обводит всех долгим взглядом:

- Начнём, товарищи... Давайте посмотрим, чем мы располагаем по делу о разбойном нападении на «Бирюзу» и наметим план наших дальнейших действий. Кто выскажется первым? - спрашивает он, но при этом смотрит только на меня.

И правда - кому, как не мне, доложить о складывающейся обстановке? Я поднимаюсь.

- Разрешите, товарищ майор?

Белов кивает. Все выжидающе смотрят на меня. Коротко объясняю существо дела.

- Значит, предлагаете сегодня же брать Камилова? - спрашивает

Белов. - Не торопитесь ли?

- Нет. Откладывать с этим не следует, - твёрдо отвечаю я, убеждённый в своём решении.

- Однако нам неизвестна его сообщница. Задерживать, так одновременно обоих, - возражает Наумов.

Белов долго смотрит на меня, что-то соображает.

Поворачиваюсь к Наумову.

- Нам нельзя и часа тянуть с Камиловым. Пока будем искать его сообщницу, не преподнесёт ли он новое «ЧП»? Как тогда людям в глаза будем смотреть?

- Пожалуй, вы правы, Демичевский, - говорит Белов. - Где полагаете брать Камилова?

- Дома. Только дома. На улице опасно - кругом люди, вдруг заминка какая, и он за пистолет... Теперь-то ясно, что он на всё способен.

- За пистолет он и дома может схватиться, - замечает Наумов. - Переполошим людей, если хуже чего не выйдет... Что у него за квартира? С кем он живёт? Где работает или учится?

- У него только мать-портниха, - вступает в разговор Громов. - Я тут перед совещанием участкового опросил... Камилов уже давно - лишь на её хлебах. После десятилетки учился пару лет в инженерно-строительном институте - бросил, устроился барменом в ресторан и тоже не удержался там. А живут Камиловы в двухкомнатной квартире, на втором этаже.

- Значит, запросто в окно может сигануть, - вслух размышляет Наумов. Он морщит лоб и добавляет. - В коридор бы выманить его. Есть у них там коридор? Что собой представляет? - обращается он к Громову.

- Есть, - быстро отвечает тот и передаёт Белову лист бумаги. - Взгляните, это план дома и квартиры, участковый по памяти нарисовал. Может, и пригодится.

Мы поочерёдно изучаем план.

Да, коридор есть. А в нём щиток с автоматическими пробками. Можно отключить освещение квартиры. Кто тогда выйдет посмотреть, в чём дело? Конечно, мужчина. А в данном случае - Камилов!

Я высказываю свои соображения на этот счёт.

- Дельно! - Загорается Наумов. - Вряд ли он в этом случае сунется в коридор с оружием.

- Значит, так... - говорит Белов. - Уточняем детали операции. В первую очередь устанавливаем за домом наблюдение, блокируем подъезд... На лестничной площадке и во дворе в главный момент не должно быть никого из детворы и жильцов! С ними надо сработать особенно аккуратно! Кому это поручим?

Наумов с Громовым с нарочитым вниманием опять принимают план, разглядывая план дома, будто и не слышали последней фразы Белова. Он с пониманием усмехается:

- Что ж, возложим это на участкового. Как считаете, товарищи, справится?

- Да детвора в нём души не чаёт! - живо отзывается Громов.

- И весь народ к нему с почтением! - добавляет Наумов. -

Справится, товарищ майор!

- Вот и отлично, - заключает Белов. - Значит, вам с Громовым, капитан, быть у щитка.

Они как по команде поднимаются, в один голос громко отвечают:

- Есть, быть у щитка!

И я чётко понимаю, что Камилову уже не уйти от них, даже если он выйдет к ним с оружием.

9

Наше совещание затягивается. Вновь и вновь уточняются детали предстоящей операции, намечаются её участники, время проведения операции... Одни сотрудники войдут в группу захвата преступника, другие будут перекрывать пути его вероятного отхода, блокировать двор дома... Ну а мне предстоит провести у Камиловых обыск.

К семи часам вечера оперативники Белова докладывают, что Камилов дома и выходить пока не собирается.

А на улице всё еще светло, как днём. И минуты тянутся мучительно долго. Пятнадцать минут восьмого, полчаса... Восемь часов... Двадцать минут девятого...

Выглядываю из окна кабинета на улицу: есть ли где огоньки? Ведь начало операции ровно в девять. Огней пока - ни в одном доме. Лишь полыхают в витринах и окнах домов оранжевые отблески заката.

В восемь тридцать - звонок Белова:

- Спускайся вниз - через пять минут выезжаем.

Снова выглядываю в окно: закат уже потускнел, на улице - серая дымка... Пожалуй, к девяти часам и стемнеет.

Спускаюсь по лестнице в вестибюль и ясно слышу, как сильно стучит сердце. Неужели так волнуюсь? Ведь всё продумано до мелочей...

У подъезда присоединяюсь к Белову. Садимся в машину. Все остальные участники операции уже давно на Садовой. По рации то от одного из них, то от другого поступают короткие сообщения: «Двор блокирован», «Подъезд блокирован», «Объект на месте, посторонних в квартире нет»...

На тихой улочке у старого четырехэтажного дома с высокой аркой над въездом во двор машина останавливается. Читаю на доме табличку: «Большая Садовая. 17». Вдоль арки прогуливаются двое хипповатых парней. С трудом узнаю в них наших работников уголовного розыска. Во дворе - ни души, лишь за самодельным столиком у второго подъезда всё ещё стучат костяшками домино четверо чем-то мне знакомых доминошников. «И эти - наши!» - проносится в голове.

Гляжу на часы: без трёх минут девять. Пока войдём в подъезд, пока поднимемся по лестнице...

Вот и второй этаж. С площадки третьего нам навстречу бесшумно спускаются Наумов и Громов. Обмениваемся взглядами: «Пора!».

Наумов с Громовым ныряют в ярко освещённый проём коридора, и он тут же погружается во мрак. Озноб нетерпения прокатывается по спине. Представляю, как напряжены сейчас нервы и у других участников операции... Кажется, будто прошла уже целая вечность.

Слышится металлический щелчок замка, чей-то недовольный мужской голос, потом яростный всхрип, и мы с Беловым бросаемся в темь коридора. Нащупываю щиток с пробками.

Снова вспыхивает свет, и я вижу распостёртого на цементном полу темноволосого парня, с закрученными за спину руками, на ногах

его - тяжело дышащего Наумова. Рядом с ним Громов - защёлкивает на запястьях парня наручники. Тот конвульсивно извивается, что-то мычит.

Всё! Дело сделано! В считанные секунды.

Громов рывком ставит Камилова на ноги. Теперь уже у меня нет никакого сомнения, что это он: точный оригинал рисунка Бубнова. Заводим его в квартиру, приглашаем понятых.

А где же мать Камилова?

Я нахожу её на кухне. С полной отрешённостью на бледном, без кровиночки лице, она неподвижно застыла на табурете у стола и никак не отзывается на предложение пройти в комнату сына. Но мы и без неё находим то, что искали: пистолет, патроны к нему, пачки денег в инкассаторской сумке, спрятанной за шифоньер. На столе и на книжных полках разбросаны затрёпанные порножурнальчики, магнитофонные кассеты с записями передач западных радиостанций, видеокассеты фильмов ужасов...

Громов брезгливо поднимает за уголок один из таких журнальчиков и показывает его Камилову:

- А это дерьмо в каких подворотнях выискали?

- А тебе что - завидно? Тоже на голых баб поглазеть захотелось?

- истерично вопит Камилов. - Ну гляди, гляди!

Понятые - две докучливые старушки - при этом всё охают и ахают: «Да как же так!.. Да что же это!...» - и вразнобой торопятся заверить, что Эдик «всегда такой хорошенький, такой милый мальчик!». И что мать души в нём не чаяла...

А мать не плачет, лишь беспомощно и растерянно прислушивается к выкрикам сына, а когда его уводят из квартиры, провожает тоскливым взглядом. Мы ещё будем беседовать с ней о сыне: как такой «хорошенький и милый мальчик» переродился в циника и уголовника. Будем! Но не сегодня, не сейчас... Ей и без того,

чувствуется, горше горького. Может, и думать не думала, на что её Эдик способен. Хотя, конечно, материнское сердце не проведёшь, не обманешь! Да и «грязные» находки в комнате Камилова подсказывают истинную причину его падения.

Мы оставляем в квартире засаду - на случай, если сюда задумает наведаться его сообщница - и отправляемся в отдел.

На улице уже окончательно стемнело. В открытую форточку машины врывается прохладный ветерок... И так хорошо на душе, так хорошо, что невольно мысленно убегаю к Елене. Целый день с ней не виделся. Как-то она встретит меня, что скажет?

А Лена ничего и не говорит. Лишь печально смотрит и молчит, молчит, молчит... В груди моей всё переворачивается от возникшей тревоги. Я уже знаю, что, когда она так смотрит и молчит, значит, чем-то расстроил её. Но чем?

Топчусь в прихожей и не знаю, что сказать. В комнату уходить не хочется, и вот так в молчанку играть тоже. Тихо и осторожно спрашиваю:

- Что невесела?

Она грустно усмехается.

- Я так ждала тебя сегодня... Неужели и в выходные дни ты не можешь побыть дома?

Облегчённо перевожу дыхание.

- Почему не могу? Могу! Вот только разберёмся с «Бирюзой»...

Лена недоверчиво качает головой.

- Ой, Демичевский... Свежо предание...

- Знаешь, что? Выходи-ка ты за меня замуж, а? - Неожиданно для себя выпаливаю я и замираю в тревожном ожидании ответа.

Глаза Лены округляются.

- Ты это... серьёзно?

- Конечно!

Она некоторое время молчит, потом с запинкой отвечает:

- Спасибо тебе за лестное... и столь дорогое для меня предложение. Но... замуж за тебя... я пока не пойду.

- Но почему?! - вскрикиваю запальчиво.

Лена предостерегающе вскидывает палец к губам:

- Тише - маму разбудишь.

И вдруг берёт в ладони мои руки, как в тот недавний, памятный для вечер и целует их.

Непостижимо!

Совершенно сбитый с толку, осторожно высвобождаю руки.

- Как же тогда понимать тебя?

Лена выпрямляется, задумчиво смотрит куда-то и сторону.

- Ты уж прости меня, Демичевский. Я и сама себя не понимаю.

Она переводит на меня свой взгляд.

- Хочешь откровенно?.. Когда ты появился у нас, показался мне таким молчуном, таким нелюдимым... И захотелось расшевелить тебя... А сейчас вот места себе не нахожу, если не увижусь с тобой хоть денёк. Вот ведь как всё получилось.

- Тогда почему же... отказ?

- По-моему, ты поторопился со своим предложением. Разве обо мне думал в тот наш вечер?

- Много ты знаешь, о ком я думал, - бурчу с раздражением. - И не такой уж я сухарь, как ты считаешь, нашли бы общий язык.

- Да, ты не сухарь, - соглашается Елена. - Просто был замороженный какой-то... А душа у тебя чуткая, отзывчивая. Потому и прошу - давай пока останемся просто друзьями.

Друзьями? Просто - друзьями? Ну нет, такое мне не подходит!... А как быть с третьим? С тем же Славиком? Не зря он вокруг неё так увивается...

Лена выжидающе смотрит на меня. Прекрасное лицо её даже побледнело от волнения.

- Я не хочу просто дружить, - говорю я и слышу, как предательски срывается мой голос, словно у обиженного мальчишки. - Я не могу без тебя, ясно?

На лице Лены появляется едва заметная улыбка. Она приподнимается на носки и целует меня в щёку. Потом быстро уходит к себе. Вот это выдался денёк! А что грядущий мне готовит?

10

Ночью мне не спалось. Все вспоминался разговор с Еленой, думалось о тяжёлом ранении Кандаурова, перед глазами, словно в видеозаписи, мелькали цепи задержания Камилова... Не отпускала мысль: надо скорее задержать его сообщницу. С ней-то теперь, конечно, будет проще. Хотя что в нашей работе даётся просто? Да, завтра новый день, новые заботы...

С тем и отправляюсь утром чаёвничать на кухне. Лена не показывается. То ли ещё не проснулась, то ли просто скрывается от меня... И тревога сковывает грудь. Томлюсь ожиданием, но её всё нет и нет. А мне надо в отдел. Следует выяснить, кто сообщница Камилова. Сам он говорить о ней, естественно, не хочет, не в его интересах, а нам-то нельзя оставлять её безнаказанной.

Пока шагаю по солнечным улицам к райотделу, всё больше склоняюсь к мысли, что необходимо срочно отыскать бывшую подругу Камилова - парикмахершу Светлану. Много ли в городе парикмахерских? За день - все обойдешь. Можно, конечно, справиться о Светлане, обзвонив все эти заведения по телефону, но стоит ли тревожить администрацию, пойдут ненужные разговоры и домыслы...

А Светлана может знать о приятельницах Камилова. Вот захочет ли назвать их?

В райотделе наша следственно-оперативная группа уже в сборе. Наумов старательно опрашивает по моей просьбе соседей Камилова, Губин сличает пальцевые отпечатки Эдика с теми, что обнаружены в машине Власова, а всё так же элегантно разодетый Громов откровенно томится в своём кабинете, ожидая каких-либо распоряжений. На этот раз на нём тёмно-синий в рубчик костюм, голубая сорочка, галстук в горошек, на ногах коричневые ботинки на высоком каблуке.

Первым делом интересуюсь у Наумова, что с Кандауровым? Может, ему уже лучше?

Сергей крутит головой.

- Врачи говорят, он в кризисной ситуации. И каким будет исход её - предугадать трудно.

- Но надежда есть?

- Лишь бы сердце не подвело.

«Может, и выдюжит», - думаю я, иду к Губину.

- Ну, как пальчики? - спрашиваю. - Кто оставил их в машине?

Он вскидывает на меня свои всегда серьёзные глаза.

- Теперь сомнений нет - те, что в салоне - Камилова.

Официальное заключение получишь позднее.

- А чем ещё порадуешь? Результатов баллистической экспертизы ещё нет? Что ответило УВД?

- Больно ты скорый! Будут тебе и результаты. Ведь только-только отправили пистолет Камилова на экспертизу... Но не сомневаюсь: в «Бирюзе» стреляли именно из его вальтера. Я предварительно поинтересовался, подойдут ли к нему найденные тобой гильзы - подошли! Теперь только отстрелять патроны, и всё станет ясно!

Я закрываю за собой дверь лаборатории Губина и отправляюсь к Белову.

- Ну? Что думаешь делать дальше? - спрашивает он.

Выкладываю свои соображения о парикмахерше и предлагаю:

- Пусть Громов займётся её поисками, всё равно пока ничем не занят.

- Добро, - соглашается Белов. - Передай ему моё распоряжение на этот счёт.

Вызываю Громова к себе, ставлю перед ним задачу, и он моментально преображается. Весело подмигивает и тут же исчезает из кабинета. А через час уже звонит по телефону:

- Светлану к нам привезти или сам подъедешь?

- А это она? Точно? - спрашиваю.

- Она, не волнуйся. Других таких девиц в этих заведениях не бывало.

- Где она - на работе или дома?

- Дома. Завтра собирается в отлёт. Отпуск у неё. И как только перехватили!

- Что она собой представляет?

- Впечатление производит девицы неглупой, но несколько вульгарна.

- Если не возражает, вези её в отдел.

И он привозит. Представляет мне высокую и весьма симпатичную блондинку:

- Изотова Светлана.

И исчезает.

Я предлагаю Светлане стул и с минуту разглядываю её: кремовое платье-джерси, красивая финифтевая брошь, в ушах брильянтовые капельки-серёжки... Светлые волосы аккуратными локонами обрамляют такое же светлое продолговатое лицо с

неестественно тонкими, стрелкой, бровями. Веки голубоватых глаз чуть тронуты зелёной тенью, ярко-алой помадой подкрашены пухлые губы. Ноготки тонких, холёных рук отливают перламутровым лаком... Интересно, чем она не пришлась Камилову, если он предпочёл ей брюнетку?

Решаю поговорить пока неофициально, чтобы не насторожить прямыми вопросами о сообщнице Эдика.

- Вы замужем? - спрашиваю.

- А что- хотите сделать мне предложение? - игриво отзывается Изотова и закидывает ногу на ногу. - Тогда поторопитесь, пока не улетела.

- И куда собираетесь лететь, если не секрет?

- У-у, далеко, - тянет Изотова. - Аж, в самые Сочи. И между прочим, не одна, а с женихом.

- Это кто же такой счастливый? - говорю шутливо, чтобы не сбить её с избранного тона.

Изотова польщённо улыбается.

- Правда? Вот и я так считаю. Эдику просто повезло, что я согласилась составить ему компанию.

«Эдик?» - проносится у меня в голове. - Значит, все эти годы он продолжал встречаться со Светланой?

- Это какой же Эдик? - осторожно спрашиваю Изотову. - Камилов, что ли?

Она с изумлением смотрит на меня.

- А вы откуда знаете?

И в самом деле - что ей ответить? Вести разговор напрямую? Рановато, наверное. Ещё не ясны отношения сторон в этом загадочном треугольнике; Камилов, его сообщница, Изотова.

- Да вот уж, знаю, - медлю с ответом. - Вы давно с ним знакомы?

- Три года. А что?

- Говорят, он вам предложение делал... Было такое?

Изотова хмурится.

- Да вы объясните - в чём дело? Зачем меня пригласили сюда?

- Извините, - говорю. - Вы правы. Я сейчас вам всё объясню.

Дело в том, что мы были вынуждены задержать Камилова. Он совершил очень тяжкое преступление. А вы - считаете себя его невестой. Вот мы и пригласили вас кое-что уточнить.

- Что именно? - Изотова как-то сразу сникла, низко опустила голову. - Что он натворил?

- Мы ещё вернёмся к этому вопросу, - говорю тихо. - Пока ответьте: делал он вам предложение о свадьбе?

Я спрашиваю, а сам всё думаю: почему мне так важно знать это? Подспудно ловлю себя на мысли, что, во-первых, - хочется проверить, действительно ли три года назад Камилов собирался жениться, в связи с чем он и умолял Пикулина не упоминать о нём на следствии; а во-вторых... Три года - большой срок! И если Камилов никакого предложения не делал Изотовой, то что ему в этом помешало? Что или - кто? Может, та же его чернявая сообщница? Знает ли о ней Изотова?

- Делал ли он мне предложение? - задумчиво переспрашивает Светлана. - Нет, не делал. Это я, дурёха, всё мечтала... Да не получилось.

- Почему? Не сошлись характером?

Изотова достаёт из цветистого продолговатого кошелёчка круглое зеркальце, бросает в него быстрый взгляд, поправляет прическу.

- Как вы считаете - я представляю интерес для мужчин?

- Несомненно, - не кривя душой, подтверждаю я, уже догадываясь, в чём соль вопроса.

- Ну вот, - грустно продолжает Светлана. - А Эдика увлекла другая, чернущая, как цыганка.

«Неужели та самая, -думаю, -наша подозреваемая?»

- Такая же красивая?

- Что вы - с ревнивой злостью возражает Изотова. - Да на неё и взглянуть-то страшно. Тощая, колченогая - кожа да кости!

- И кто же это вам дорогу перешёл? Откуда такая?

- Вам и это надо знать? Ну, пожалуйста - Нинка Завьялова. Такая пигалица!

- Она учится где, или работает?

- Учится. В театральном... Тоже мне - артистка нашлась... Было бы на что поглядеть!

- И что же - давно она с ним?

- Да с год, наверное.

- А почему с вами он лететь надумал?

Изотова поднимает голову, горько усмехается.

- Надоела она ему. Да и я его от себя никогда не отталкивала. - Изотова нервно дёргает головой. - Вы Эдика видели? Глаза его, брови, ресницы? - неожиданно переходит она в наступление. - Нам, бабам, мужская красота вообще-то необязательна. Но у Эдика она особенная. Взглянешь на него и млеешь, как дурёха... Всё тогда готова простить ему, оправдать... Вы - мужчины. И то порой голову теряете из-за какой-нибудь куколки в юбке. Что же с нас спрашивать?

- А где эта Нина живёт - знаете?

- Да зачем она вам? - теперь уже вяло отзывается Изотова. - Не знаю и знать не хочу. Эдик что натворил?

- Подозревается в разбойном нападении на фирменный магазин «Бирюза». Может, слышали что?

Изотова подавленно кивает.

- Эдик рассказывал?

- Ну что вы!.. Он меня до своих дел и забот не допускает...

Откровенно говоря, он лишь о себе высокого мнения, других и в грош не ставит. А что касается «Бирюзы»... Ходят же слухи по городу.

- Билет на самолёт он вам купил?

- Он.

- И эти серёжки?..

- Тоже.

- А вы и не спросили - отчего он вдруг такой щедрый? Где столько денег взял?

- Не спросила. Довольна была, что хоть с собой пригласил.

- Как же так можно, Света?..

Изотова вдруг опускает голову на стол и заливается плачем.

Бросаюсь к графину и, пока Изотова пьёт воду, вызываю по телефону Громова, отвожу его к окну и коротко, вполголоса бросаю:

- Я тебя вот о чём попрошу... Позвони-ка в адресное, узнай - где живёт некая Нина Завьялова, студентка нашего театрального, и живо к ней.

- Та самая? Что была с Камиловым?

- Она, больше некому.

- Что искать?

- Перчатку. Чёрную шёлковую перчатку. И туфли. Изъять надо все её туфли. У нас ведь есть один отпечаток. Вот и проверим!

- А постановление на обыск и изъятие?

- Я подготовлю. Ты мне адрес, адрес давай!

- Ясно!

- Ну, действуй. Жду!

Громов исчезает, и я возвращаюсь к успокоившейся Изотовой. Теперь с ней можно вести и официальный разговор, закрепить, так сказать, её показания. Ведь всё, что мне нужно было узнать от неё, я узнал, и Изотовой уже нет смысла отмалчиваться. Она это тоже

хорошо понимает. Вскоре, внимательно изучив протокол допроса, без единого замечания соглашается с текстом и размашисто подписывает бланк.

- А что делать с серьгами? Наверное, придётся расстаться с ними? - грустно спрашивает она.

- Да, пожалуй...

И вот все формальности закончены. Провожая Светлану на выход, затем снова встречаюсь с Громовым, пишу постановление на обыск, еду с ним к прокурору, потом опять инструктирую Громова. А время идёт. В желудке уже посасывает, а ещё предстоит разговор с Завьяловой, а там - и с Камиловым. Надо бы подкрепиться.

11

Когда возвращаюсь из столовой, у комнаты дежурного меня встречает Белов.

- Всё в порядке, Демичевский. - Доставили тебе твою артистку.

- А перчатку? Перчатку нашли?

- Нашли, не волнуйся. И туфли привезли. Пойдём ко мне, передам.

Поднимаюсь к нему в кабинет, и Белов передаёт мне небольшой целлофановый пакет, перевязанный тесёмкой с сургучными печатями.

- Это - с перчаткой. А туфли - в шкафчике, в коробках.

Что ж, теперь дело за экспертами!

В пять вечера ко мне в кабинет вводят Завьялову.

Вот ведь как необъективны женщины к своим соперницам! Завьялова вовсе не коротышка, а нормального, среднего роста. Красивая, стройная, с большими чёрными глазами. Одета, правда, простенько - в джинсовой юбке и белой кофточке. На ногах лёгкие

простые босоножки... Ей лет двадцать, не больше. Лицо, хоть и смуглое, но чистое, даже губы ещё не красит. Держится спокойно, уверенно. Или это - игра?.. Я узнаю её. Видел недавно на сцене студенческого театра. В «Живом трупe». Цыганку Машу играла. И здорово играла! Будто и впрямь - цыганка. Будто и не на сцене вовсе и действительно готова жизнь отдать за Протасова.

Как же так? Как могла Завьялова опуститься до такой степени, что стала преступницей?

- Это ещё доказать надо! - с усмешкой отвечает она на мой вопрос.

- Конечно, - отвечаю спокойно, хотя в душе растёт злость на её залихватское упрямство. - Но доказательств вашего участия в разбойном нападении на «Бирюзу» у нас более чем достаточно. Взять хотя бы то, что вы наследили в магазине, можете, если желаете, ознакомиться с заключением эксперта на этот счёт.

Я протягиваю ей бланк заключения, но она пренебрежительно отмахивается:

- Не надо. Чем вы ещё располагаете?

- Вашей перчаткой, отпечатками пальцев. Вы оставили всё это в машине - такси, на которой приезжали к «Бирюзе». Разве недостаточно?

- Тогда что же вы от меня хотите? Ведите в тюрьму, если вам всё известно.

- В том-то и дело, что пока ещё не всё известно, - говорю опять как можно спокойнее. - Вот, скажем, почему вы надумали с Камиловым напасть на «Бирюзу»? Как всё происходило? Это была его идея?

Красивые глаза Завьяловой еще больше темнеют.

- Причём тут Эдик? Он - хороший парень! - Запальчиво взрывается она и тут же умолкает, сообразив, что допустила промашку, признав своё знакомство с ним.

Удивительно! И она ещё покрывает Камилова... Хотя... Как говорила Изотова: «Видели бы вы его!». Смазлив, что верно, то верно... Однако неужели Завьялова ничего не знает об Изотовой?.. Вот ненормальная! Ей бы, действительно, в театре играть, а не в тюрьму лезть.

- Хороший парень? - спрашиваю сердито, - А, не задумываясь, стреляет в неповинных людей.

Завьялова в замешательстве замирает на стуле.

- Это уж у него так получилось в магазине. Он не хотел... - говорит она враз осевшим голосом. - Он, что, кого-нибудь там...

Выдержка окончательно изменяет ей, и крупные слёзы катятся по лицу...

- Это я! Я во всём виновата!

- Расскажите, как было дело.

Завьялова оттирает ладонью слёзы, отрешённо смотрит в сторону.

- Расскажите, расскажите. Где и как вы познакомились с Камиловым?

- Три года назад, в Сухуми.

- Что вы там делали?

- В отпуске была. Приехала без путёвки, а Эдик... Он тоже там отдыхал. Заметил меня ещё в поезде, предложил свои услуги с устройством: «Будет тебе месяц райской жизни!». И устроил. В Сухуми у него повсюду знакомые. У ресторана иные часами в очереди стоят. А перед ним лишь подойдёт, швейцар чуть не расшаркивается. И потом... Вы видели Эдика?

Знакомый вопрос! Вспоминаю облик Камилова: прямой тонкий нос, тёмные, словно маслины, глаза, красивое смуглое лицо, чёрные густые волосы и длинные, пушистые ресницы... Да, такие нравятся женщинам.

- Правда ведь, красивый? Все девчонки без ума от него. А он лишь со мной и со мной. Нравилось в нём всё: и негромкий смех, и уверенность в себе, и невероятная щедрость... Чем только он не одаривал меня!..

Завьялова вздыхает.

- И вот, чем ближе наступал день отъезда, тем больше страх - как буду без него? А он с собой позвал. Узнал о моей мечте стать артисткой и позвал.

«У нас, - говорил, - в городе свой театральный вуз есть».
Рассчиталась я на службе, машинисткой тогда работала, распростилась с родными и... Устроилась здесь на квартире. Продолжала встречаться с ним.

- У него, что же, другой девушки до вас не было?

- Была. Какая-то парикмахерша. Но Эдик сказал, что расстался с ней навсегда.

- Ну-ну, продолжайте.

- А мне с ним было так хорошо! Когда он исчезал, дни тянулись бесконечно, казались серыми, пустыми.

Думалось, на всё бы пошла, лишь бы он не покидал меня... Да вам этого не понять, наверное.

- Почему, понимаю, - отвечаю не сразу. Потому что вдруг тоже стало тяжело на душе: отчего Лена не вышла сегодня проводить меня?

Завьялова недоверчиво усмехается на мои слова и негромко продолжает:

- И вот, когда Эдик признался, что сидит на мели, то есть - без денег, сама напросилась чем-нибудь помочь ему. Он долго колебался, прежде чем доверился мне. Сказал, что давно приглядывается к «Бирюзе». Изучил маршрут, время прибытия инкассаторов. Но нужна машина. Можно бы угнать, да не умеет водить её. Вот если бы я посодействовала, ведь у нас дома была своя машина, знаю, как с ней обращаться.

- И вы согласились.

- Ну, коль уж напросилась... Решили ещё раз всё проверить. С неделю поочередно приходили к «Бирюзе» перед закрытием и наблюдали, что там происходит. Обычно в семь вечера во двор въезжал «газик», из него выбирались инкассаторы, заходили в магазин и через минуту возвращались с сумками... Нам оставалось найти машину.

- А оружие? У Камилова изъят пистолет «вальтер». Где он взял его?

- Это пистолет покойного отца Эдика, тот привёз с фронта.

- А как обстояло дело с машиной?

- Неподалёку от магазина есть столовая. Там все таксисты питаются. Мы и решили воспользоваться этим. Машина нам и нужна-то была минут на десять. Кто из шофёров хватился бы её за это время?

- От магазина куда поехали?

- На Дачную. Решили отогнать машину подальше, чтобы её не скоро нашли, а мы смогли бы в спокойной обстановке избавиться от следов. У меня с собой одеколон был. Им всё в такси и протёрли. Да, видно, поторопились...

Завьялова умолкает. Составляю протокол допроса, подаю ей для ознакомления. Она старательно читает текст и с убитым видом подписывает протокол.

- Куда же меня сейчас - в тюрьму? А что будет с Эдиком?

Поверьте, я больше виновата. Он, может, и не рискнул бы...

- Вы лучше подумали бы о своей судьбе, - говорю я тихо.

Понимаю, что читать нравоучения - пустое занятие, оно мало кому помогает. И всё же мне по-человечески жаль эту девчонку. Поражаюсь её слепой влюбленности и жертвенному желанию обелить Камилова.

- Вы же мечтали стать артисткой. Отличная и благодарная профессия! А вас куда потянуло? И это при ваших-то способностях!...

Завьялова поднимает па меня удивлённые глаза.

- Да-да, - говорю. - Видел вас в спектакле. Цыганку Машу играли.

И очень даже здорово играли!

В глазах Завьяловой вспыхивает радость, но тут же гаснет.

- И вдруг такой срыв. А главное - ради чего?

- А может - ради кого? - снова сердито возражает Завьялова.

Я не знаю, имею ли я право говорить ей всё о Камилове.

- Ведь он же любит меня!

- Вы так уверены?

- А вы сомневаетесь?

- Любил бы - не впутал в грязное дело. Так что подумайте и об этом.

Снимаю трубку телефона и вызываю помощника дежурного.

- Уведите задержанную.

Он уводит Завьялову. А я снова связываюсь с дежурным, прошу доставить Камилова. Хочется ещё раз посмотреть на него, потолковать с ним. Что-то он теперь скажет?

Камилов входит в кабинет, низко опустив голову. Что ж, на чудо в его деле рассчитывать ему не приходится, надо держать ответ. Он тяжело опускается на стул, бросает косой взгляд.

- Меня одного взяли?

Значит, ещё теплится надежда?

- Нет, говорю. - И Завьялову - тоже.

Он удручённо качает головой.

- Надо же... Так долго готовились... Всё, вроде бы учли, всё по секундочкам выверили, и сорвалось!

- Ну, рассказывай то, как было дело.

- Да ведь всё знаете, наверное, - отмахивается Камилов.

- А я вас хочу послушать... Говорите.

И он рассказывает. Так же подробно, как Завьялова. И всё сходится.

- Знаете, хотелось пожить красиво и независимо, - с досадой на несбывшееся завершает он свои показания.

- Красиво и независимо... Это как - с разбоем и стрельбой в простых, честных людей? Порно, секс и насилие?

Он криво усмехается. Мол, не надо проповедей... Мда... Мой сарказм для него - явно холостой выстрел. А жаль!..

- Сколько мне дадут? - вдруг спрашивает Камилов. - Я ведь вам чистосердечно... Мог бы и промолчать... - А в тёмных глазах отчаяние.

- В салоне машины старались не наследить?

Он кивает.

- А следы всё равно оставили... Что ж вам не чистосердечно? Другого пути ведь и нет!

Камилов снова опускает голову.

- А насчёт срока наказания, - продолжаю, - так это не по адресу обратились. К тому же, у меня к вам ещё несколько вопросов.

Постарайтесь ответить так же «чистосердечно»... У вас в квартире изъяты не все деньги, похищенные в «Бирюзе». Где остальные?

Камилов долго молчит, потом с трудом зло выдавливая из себя:

- На знакомую потратил.

- На кого именно? И как?

- Серьги ей бриллиантовые купил...

И он рассказывает об Изотовой. Догадывается, что знаем о ней.

- А Нину, значит, в отставку? Как же так?

Он снова усмехается.

- Почему сразу не улетели с Изотовой?

- Билетов на самолёт не было. Не повезло.

Камилов горбится от вопросов, весь взмок. Но мне ещё надо вернуть его к истории с Ладыгиными, и я снова спрашиваю:

- Ну а что же вы о Пикулине не вспомнили? Отбывает срок парень, а мог бы стать отличным спортсменом. Интересовался, женились ли вы?

Лицо Камилова деревенеет.

- Вы и об этом узнали?

- О чём? Расскажите!

И он опять рассказывает. Всё рассказывает! Не успеваю записывать. А когда Камилова уводят, ещё долго с неприятным чувством вспоминаю его усмешки, недобрый взгляд.

Звонок телефона отрывает от невесёлых дум. Поднимаю трубку и слышу приглушённый голос Белова:

- Ну? Что у тебя?

- Всё в порядке, - говорю спокойно, - Завьялова и Камилов во всём признались.

- Вот и отлично! Теперь, что ж - домой собираешься? Восьмой час вечера!

- Иду, Александр Петрович, иду! Если бы вы знали, как мне сейчас надо быть дома!

- Тогда не задерживайся. Будь здоров!

В трубке раздаются гудки. Убираю в сейф бумаги и торопливо выхожу на улицу.

Ещё светит солнце, но воздух уже не такой жаркий, как днём. Взять бы сейчас с собой Елену и махнуть на речку. Вода, наверное, прелесть. А я ещё ни разу не искупался.

Но Лены нет дома,

- Пять минут, как ушла - говорит Екатерина Ивановна, - Надо же вам так разминуться!

- Одна ушла?

- Нет, со Славиком.

Жду Лену час, другой, третий... И гнетущее чувство тоски и одиночества охватывает меня. В одиннадцать осторожно прикрываю за собой дверь квартиры, спускаюсь по лестнице. Куда я иду? Зачем?

На улице меня охватывает тревога: Лена-то со Славиком! Неужели и впрямь снова теряю дорогого мне человека?.. Но я не хочу этого. Не хочу!...

Я шагаю, сам не зная куда, ловлю взглядом редких прохожих, стараясь угадать среди них Лену... Если бы встретил её сейчас, то уже не отпустил бы от себя ни на шаг!..

Тёмная, беззвёздная ночь всё плотнее обволакивает меня, и я благодарен ей, потому что никто не видит, как тру глаза: разве могут быть слезы у мужчины, да ещё - сотрудника полиции? Так, соринка, наверное, попала?..

***